

Раздел I

КРЕАТИВНОСТЬ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

С.З. Гончаров

ЧЕЛОВЕК В ИЗМЕРЕНИИ КРЕАТИВНОЙ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

*Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ
"Город как наркогенное пространство" № 11-13-66012 а/у*

За последние 25 лет в России происходит стремительная смена так называемых «приоритетов»: «социализм с человеческим лицом», демократизация», «гласность», «приватизация», «суверенная демократия», «экономика знаний», «умная экономика», «инновационное общество», «модернизация» и т.п. Такая спешка в декларациях неудовлетворительна в том отношении, что все новые ориентиры не отвечают на главное – *ради чего* они предлагаются. Лишь зная «во имя чего?», можно решить вопросы «как» надо делать «что» (Ю.М. Бородай).

Ведь обновление сфер общества осуществляется в итоге ради *обновления образа человеческой жизни*. Экономика, политика, культура и многое другое суть объективирование человека. Следовательно, ведение хозяйства, управления, образования и т.д. целесообразно согласовывать с креативной культурной антропологией, с *устойчивым инвариантом человеческого существа*, с той всеобщей природой человека, которая сформировалась в ходе истории. «Философская антропология, – писал в своей замечательной книге В.Д. Жукоцкий, – это всегда квинтэссенция философской системы, ее смысловое ядро»¹. Но в философии советского периода на антропологии фыркали как на хитрый прием буржуазной философии завуалировать классовый подход. При этом делались ссылки на Маркса.

К. Маркс, иронизируя над И. Бентамом, заметил: если мы хотим узнать, что полезно для собаки, то мы сначала должны исследовать

¹ Жукоцкий В.Д. Маркс после Маркса: материалы по истории и философии марксизма в России. Нижневартовск, 1999. С.3.

собачью природу; если мы хотим применить принцип полезности к человеку, хотим по этому принципу оценивать человеческие действия, отношения и т.д., «то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху»¹. Поэтому К. Маркс сначала выяснил для себя «какова человеческая природа вообще» прежде, чем он стал предлагать свои концепции в экономике и политике². Маркс раскрывает социальную связь не в овещенной, а в человеческой форме. Предположим, пишет он, что мы производили бы как люди. Каждый из нас двойным образом утверждал бы и самого себя, и другого: «1) Я в моем производстве опредмечивал бы мою индивидуальность, ее своеобразие, и поэтому во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным проявлением жизни, а в созерцании от произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как предметная, чувственно созерцаемая и потому находящаяся вне всяких сомнений сила. 2) В твоём пользовании моим продуктом или в твоём потреблении его я бы непосредственно испытывал сознание того, что моим трудом удовлетворена человеческая потребность, следовательно, опредмечена человеческая сущность, и что поэтому создан предмет, соответствующий потребности другого человеческого существа. 3) Я был бы для тебя посредником между тобой и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого – и тем самым я сознавал бы самого себя утверждаемым в твоём мышлении и в твоей любви. 4) В моем индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твоё жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно утверждал бы и осуществлял бы мою истинную сущность, мою человеческую, мою общественную сущность. Наше производство было бы в такой же мере и зеркалом, отражающим нашу сущность».

«С твоей стороны имело бы место то же самое, что имеет место с моей стороны»³.

¹ Маркс К. Капитал. Т.1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.623.

² См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. М., 1974.

³ Там же. С.35-36.

В подобных суждениях Маркса его критики усматривали остатки феербахизма, тогда как такие суждения выражали суть антропологии Маркса, его представлений об общении в грядущем постбуржуазном обществе.

При таком предположении производство выступает не как производство товаров, а как креативный антропогенный процесс производства жизни и обновления творческих сил субъектов. Изменяется и качество отношений между ними: отношения сбрасывают отчужденные формы и предстают в прозрачном виде как непосредственные общественные отношения, в рамках которых через формы общения индивиды взаимно дополняют, обогащают и обновляют свою субъективность; каждый нуждается не только в вещественных свойствах продуктов, но и (в первую очередь!) в своеобразии личных дарований других индивидов. Способности других становятся дополнительными органами каждого индивида для усвоения жизни. Так созидаются естественная человеческая связь и естественная человеческая общность, укорененная не во внешние опоры (разделение труда, гражданство, социальные статусы и др.), а в креативную природу каждого как общественного существа.

Он исходил из универсальной природы общественного человека, его свободной самодетельности. Сущность человека – свободная самореализация его творческих сил в актах самодетельности, в силу чего человек испытывает радость и удовольствие от созидательного самоосуществления и от признания своей собственной социальной значимости – так можно передать позицию Маркса. Он раскрывает, как уродуется природа человека ради производства прибыли, и разрабатывает модель преобразования общества, адекватного сущности человека. А если бы Маркс «адаптировал» свою теорию к капиталистической экономике, то можно представить себе, чтобы из этого у него получилось бы.

Т.е. антропология является первичной по отношению к иным отраслям социально-гуманитарных наук, и к практическому обновлению общества. Мы полагаем, что философским сопровождением грядущей исторической ступени может быть креативная культурная антропология как более адекватная духовная оптика в восприятии и в

понимании человека, а также в проектировании будущего и в процессах самоосуществления людей в актах их самодеятельности.

Силуэт креативной культурной антропологии. Такая антропология исходит из *универсальных* возможностей человеческого рода, проистекающих из *нравственных* основ совместной жизни, из *продуктивно-творческих* сил целостной субъективности человека и из *технологической* мощи, в которой соединяются разумные цели, *искусственные органы общественной практики* и *созидательные силы самой природы*, ее *самодвижные структуры*. Срастание разумной технологической мощи с созидательными природными силами, актуализирует величественное чувство *космизма*.

Акцент на *антропологию* означает соответствие производимых технологических и социальных структур с *телесными, душевными и духовными* измерениями бытия человека, через которые каждый индивидуум преломляет действительность, живет и потребляет богатство собственной субъективности. Внешняя действительность всегда тем или иным своим фрагментом замыкается на субъективность человека и предстает не только как нечто *внешнее*, но как действительность самого человека, как *человеческая действительность*.

Акцент на *культурную* антропологию означает наполнение субъективности человека образцами, эталонами, творимыми в культуре.

Креативная культурная антропология акцентирует, с одной стороны, формы общения и общественных отношений, которые просторны для самодеятельности и для полноты проявления жизненных сил индивидуальности, с другой стороны, такое эстетическое оформление предметной среды жизнедеятельности, которое раскрывает творческие потенции человеческой чувственности, воображения, социальных эмоций.

Задача гуманитарных и социальных наук заключается, в частности, в разработке концепций поэтапной реализации социальной связи в человеческую общность на соответствующей теоретической основе – *креативной культурной антропологии*.

Известный пессимизм относительно человека и его перспектив порожден, вне сомнения, капиталистической формой производства общественной жизни. Капитализм – это устаревшая марка исторического автомобиля, который мчит человечество в пропасть. Практические деятели такого производства и их идеологи-пустомели «совершенно не способны мыслить средства производства отдельно от той своеобразной антагонистической общественной маски, которая одета

на них в настоящее время, подобно тому как рабовладелец не способен представить себе рабочего, как такового, отдельно от его роли раба»¹.

Дело философии не адаптировать человека к устройству указанного автомобиля, к служению мамоне, а пробуждать в человеке его достоинство, его исторически созданный культурный потенциал и предлагать общественные формы, просторные для самодеятельности и нравственно возвышенной общности.

Надо идти «в глубину» (И.А. Ильин), проектировать образ *креативного общества*, чтобы стало очевидной та гибельность, которую несет в себе современная буржуазная техногенная, экономикоцентричная цивилизация, та исходящая от нее реальная угроза для *универсальности, субъектности и духовности* человека.

Универсальность общественного человека есть его культурная реальная возможность, которая претворяется в действительность при условии обретения индивидами *субъектности*. Это – условие необходимое, но недостаточное. Ведь субъектные качества могут осуществляться не только в творении добра, но и зла. Поэтому важен вопрос о *духовности* субъектов, о ценностном векторе их деяний – «во имя чего?».

Конкретизируем образ человека в измерении креативной культурной антропологии, отметив универсальность, субъектность и духовность человека.

Человек в зеркале основных философских концепций. Основные антропологические концепции (натуралистические, социологические, идеалистические, богословские), несмотря на их различия, *толкуют сущность человека как нечто универсальное, т. е. обладающее бесконечными возможностями саморазвития.* Только основа универсальности понимается по-разному – как неограниченность или продуктивных сил *природы*, сфокусированных в человеке (Л. Фейербах), или *общества* (К. Маркс), или *духа* (Гегель), или *божественных энергий* в душе человека (тексты Священных книг). Отметим в сжатом виде их преемственность и различия.

Согласно *натуралистической* концепции сущность человека – *природная*; человек сосредоточивает в себе и излучает все основные продуктивно-творческие силы самой природы. В лице человека природа познает саму себя и приходит к самосознанию и самопознанию. Природа – мать, а люди – ее самые одаренные дети.

¹ *Маркс К.* Капитал. Т.1. М., 1973. С.622.

Эта концепция вселяет в человека чувство родства с природой и некий душевный комфорт – чувство Дома. Однако натурализм неудовлетворителен в том отношении, что он дает слишком мало в объяснении бытия человека: почему человек жертвует собственной жизнью ради чести, высокой благородной идеи, Родины, и т.д., переступая инстинкт самосохранения. Натурализм ничего не дает в решении проблем ценностных основ воспитания, педагогики, духовного единения народа, веры и др. Натурализм не обладает возможностями предвидения и прогнозирования относительно развития людей, общества. Фейербах, например, полагал, что тайну человека в состоянии раскрыть лишь прикладная биология – медицина, физиология! Академик Н. Амосов считал, что «точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а, следовательно, не останется места для рассуждений о духе, сознании, вселенском Разуме и даже о добре и зле. Все измеримо и управляемо»¹. Натурализм в понимании именно сущности человека открывает широкие возможности для концепций расизма, нацизма, современного социал-дарвинизма, который пролагает себе дорогу как социал-расизм. Верхним пределом натурализма является неоязычество, возвращение к исторически первой ступени естественной народной религии, но уже в особой мистифицированной форме.

Недостатки натурализма преодолевает в значительной мере *социологическая* трактовка: сущность человека *социальна*. Социальное есть формы надприродной активности, которые возникают в совместной деятельности и общении людей, закрепляются в теле человека нейрофизиологически и выступают как человеческие способности. Способности есть усвоенные человеком социально значимые способы деятельности. Способности вырастают не из органического тела человека, а из его социального тела – из совместной деятельности и общения и закрепляются в индивиде телесно-душевно-духовно. Эта концепция исходит не из естественной природы (натуры) а из «второй природы»; она в значительной степени объясняет существенные особенности бытия человека, но в ее рамках (в версии «истмата») не понимается в должной мере *направляющая и регулятивная функция духа, сознания, мышления* в жизни человека и в функционировании всех звеньев социальной системы.

Эта концепция так же крепко привязывает человека к социальной действительности, как натурализм приковывает человека к при-

¹ Цит. по: *Кара-Мурза С.* Идеология и мать ее наука. М., 2002. С.133.

роде. Пределом в рамках такой концепции является достижение земного благополучия, процветания, «рая». Но когда такое благополучие достигается, то люди теряют вдохновляющие их ценности, у них атрофируется духовное миропонимание, и наступает стремительное понижение ранга ценностей, т.е. *пошлость*. Например, страны «золотого миллиарда» достигли процветания, которое совпало с их стремительной духовной деградацией. Запад материально может почти все, отмечал И.А. Ильин, а духовно уже почти ничего. Буржуазная и атеистически-социалистическая идеологии есть порождения западной технической цивилизации. Обе они делают ставку на обустройство *внешней жизни внешнего человека*. Но одна исходит по-преимуществу из частной собственности, а другая – из общественной. Глубинная же ценностная установка одна и та же – сытая при внешнем изобилии жизнь, но с обезбоженным, безвдохновенным самосознанием. Не случайно, руководители КПСС и советского государства в период «перестройки» и «реформ» быстро отбросили коммунистические идеалы и предали самому бесстыдному буржуазному потребительству, обнажив тем самым пределы социально понимаемой сущности человека. Дело в том, что социологическая версия человека не содержит в себе того идеала, который бы открывал человеку возможности саморазвития в направлении *духовного* возвышения. Человеку становится *душно* в *застенках социального быта и бытия*. Поэтому в порядке компенсации возникает потребность во все новых и новых формах наслаждений, и начинается деградация по всей линии.

Ограниченность социологической концепции компенсируется в рамках *идеалистического* понимания сущности человек как *духовной* реальности (Кант, Фихте, Гегель, и др.). Дух есть высшее, самое концентрированное выражение и продолжение социальности, знающая себя и устремленная на себя социальность. Дух есть ее идеальный «ген», программирующий поведение людей и народов на века. В рамках духа осуществляется самоопределение, самоорганизация и самопроектирование социальности. Социальность же есть реальность, производная от самодеятельности духа, опредмеченный дух. Если социологическая концепция абсолютизирует *внешний* коллективный опыт человечества, то идеалистическая концепция является обобщением *внутреннего*, духовного опыта людей. Идеалистическая концепция имеет тот существенный недостаток, что в ее пределах сущность человека получает самые многообразные истолкования, при которых теряется *единое ценностное основание*, позволяющее объединять сознания и воли людей на *объективно лучших, совершенных содержани-*

ях. Возникает «плюрализм без берегов», который рассеивает общество на атомы-персоны и обессиливает общество и государство.

Следует отметить, что антропология Карла Маркса (в отличие от иных вариантов философской антропологии) является единственной в том плане, что в ней со всей определенностью и классической ясностью представлена *универсальность* человека, причем в ее реалистической и перспективной форме. К. Маркс писал: «На самом деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? ... Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹.

Православно-ориентированная антропология (И.А. Ильин, А.М. Лосев, Н.О. Лосский, С.Л. Франк и др.) тем отличается от секулярно-философской, что она решает проблему *абсолютного основания духовного единения людей*, исходя из определенной методологии: человек, конечно, соткан из природного материала, из остывшей «звездной пыли»; но природное снято в надприродном, в социальном; социальное же в человеке снято в духовном; духовное в человеке есть веяние божественных энергий; поэтому человек есть «религиозное существо». Таким он воспринимал себя уже на заре истории. С позиций вертикали «*божественное – духовное – социальное – природное*» яснее можно понять удельный вес компонентов бытия человека.

Например, православная антропология понимает человека с позиций *абсолютного и единого основания*: Бог есть полнота *совершенств*; душа человека есть *образ и подобие совершенства Божия*; она таит в себе отблеск *божественного совершенства* и причастна по своему источнику к Совершенной реальности. *Совершенство Божие – источник всех положительных качеств и ценностей человека.*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С.476.

Итак, православная антропология не отрицает природных, социальных и, тем более, духовных аспектов бытия человека. Она устанавливает иной ранг (божественное выше человеческого, духовное выше душевного и телесного) и оценивает человека абсолютной мерой: насколько он в своем духовном измерении есть «образ и подобие Божие». Исходя из этого «образа» соответственно толкуется и процесс *образования* по линии *духовного возрастания*. Достоинством данной антропологии является *абсолютное основание* именно *ценностного порядка*, из которого выводятся все иные креативные характеристики человека, в первую очередь, нравственность.

Существует эклектичное толкование *сущности* человека – как «био-социальной» или как «био-социо-культурной». Но сущность – это не рядоположенные кубики, не плюрализм и мозаика, а *монизм, единство* в многообразии. Предмету, коль он реально *о-предел-ен*, свойственна *одна* сущность. «Коктейль» же из «био-социо-культурной» сущности логически невозможно мыслить. Вместо понятия будет расплывчатое представление. Э.В. Ильенков по поводу подобной «био-социальной» сущности остроумно возразил: такая логика с неизбежностью приведет к «социально-био-химически-электрофизически-микрофизически-квантово-механическому» пониманию сущности человека¹. Очевидно, авторы подобных версий стремятся ничего не упустить в определении. Но все-таки следует различать *сущность* человека и его *существование*, а тем более его *действительность*.

В понимании природы человека можно еще отметить две крайности². Первая группа теорий (*антропологический эссенциализм*, от слова «essentia» – сущность) утверждает, что сущность человека априорна, предзадана отдельному индивиду. Такие теории «фундируются» как правило, в биологию и им присущ *объективизм* в понимании человека (фрейдизм, социал-дарвинизм – Ж.А. Гобино, Ч. Ломброзо, Л. Гумплович, А. Розенберг и др.). Объективизм питает собой разные формы *тоталитарного гуманизма*: путь к единой человечности может осуществляться тотальным включением каждого индивида в нивелирующую структуру идеологизированного общества. Отклонение от идеала сущности человека квалифицируется как антигуманизм. Тоталитарный гуманизм исключает индивидуализацию.

¹ Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. М., 1984. С.325.

² Об этом см.: Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности: Методологический подход. Екатеринбург, 2007.

Вторая группа теорий (*антропологический экзистенциализм*) (от слова «экзистенция» – существование) утверждает обратное: сущность человека не предзадана априорно, биологически, трансцендентно; существование (*existentia*) человека предшествует его сущности, которая конституируется в актах выбора, самопроектирования и самоответственности за выбор и проект.

Если эссенциализм игнорирует субъективную, а экзистенциализм – объективную, социально обусловленную, стороны бытия человека; если, по эссенциализму, человек завершен, монолитен, остановлен в развитии, не процессуален, то у экзистенциалистов сущность человека уникальна, разнообразна, неповторима и несравнима, тем самым уничтожается *родовая* определенность человека; наконец, эти теории *антиисторичны*.

История, конечно, сформировала сущность человека в ее *родовой* определенности, но эта определенность модифицируется в актах деятельности и общения в тот или иной период истории; ее видоизменения – «это действительно, важное усовершенствование человеческой природы, но ни в коем случае не отказ от нее» (К. Маркс).

Относительно крайностей материализма и идеализма в понимании сущности человека В.М. Межуев в выступлении на семинаре, посвященном 85-летию со дня рождения Э.В. Ильенкова (Москва, 2009, Московская гуманитарная академия), заметил: «Чума на оба этих дома», ссылаясь на позицию К. Маркса.

Такая ссылка имеет основание. Изложив односторонности реальной жизни, а затем свое понимание человека, *полноты* его жизненных проявлений, К. Маркс, которого относят к «материалистам», далее пишет: «Мы видим, что только в общественном состоянии субъективизм и объективизм, спиритуализм и материализм, деятельность и страдание утрачивают свое противопоставление друг другу, а тем самым и свое бытие в качестве таких противоположностей; мы видим, что разрешение *теоретических* противоположностей само оказывается возможным только *практическим путем*, только посредством практической энергии людей, и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой *действительную* жизненную задачу, которую *философия* не могла решить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу»¹.

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С.123.

Преодоление этих односторонних крайностей, размышляет Маркс, возможно в процессах самоосуществления людьми своей универсальной общественной природы – как в актах свободной самодеятельности, так и в ансамбле всех форм общения, общественных отношений, когда человек реализует свои сущностные силы как преобразуемый мир, государство, общество и затем вбирает в себя определенную свою сущность, обогащает, обновляет себя и вновь себя же осуществляет, т.е. не застывает только на «материальном» или на «идеальном», а процессуально объединяет их в *полноте* своего жизненного общественного процесса.

Подытоживая наш краткий обзор, отметим: упрощенный материализм и абстрактный идеализм являют собой нежизнеспособные крайности, в рамках которых не понимается *диалектическое соотношение материального и идеального* в общественном жизненном процессе: когда речь идет об общественной практике, то упускается направляющая роль идеального, а при анализе идеального (общественного сознания) не понимается то, что идеальное *представляет* собой материальное, относит сознание к материальному.

Если в мышлении идеально представлено содержание общественной практики, то содержание практики реально представляет собой людям содержание их собственного мышления. Это типичное взаимно-рефлективное реальное отношение, суть которого состоит в функции взаимного *представительства*. «Такие соотносительные определения, – отмечал К. Маркс, – представляют собой нечто весьма своеобразное. Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как поданные. Между тем они думают наоборот, что они – поданные потому, что он король»¹.

В методологическом плане мы исходим из *универсальных* возможностей человека как культурно-исторического *неоконечного* существа, из *самопроизводства* человеком идеальных, социальных и материальных форм, из существенного значения *неорганической* надставки над органическим телом человека в виде искусственных органов (техники) сознательной воли, из основополагающей роли *социальной связи*, которая всегда остается *абсолютной* для людей и первичной по отношению ко всем феноменам человеческого бытия, от экономических до религиозных.

¹ Маркс К. Капитал. Т.1. С.67.

Универсальная сущность человека как культурно-исторического существа. Раскроем те основы универсальности человека, которые доступны эмпирической проверке и приемлемы для научного сознания.

Первая, исходная, основа – производство орудий с помощью орудий. Тело человека включает в свой состав органическое тело и тело *неорганическое*, функционально-предметное. С появлением неорганической *внешней надставки* над органическим телом возникает одновременно и «*внутренняя надставка*» в сфере психики – сознание. Психика обслуживает функционирование органического тела. Сознание появляется как технологически необходимый регулятивный фактор, который *направляет функционирование неорганического* тела. Это тело может функционировать при условии, если оно представлено в сознании *системой значений*. Представим это схематично (рис.1):

Рис.1. Структура тела общественного человека

Натурализм в понимании человека как раз упускает *решающее значение* искусственных органов общественной практики, будь то средства труда или социальные организации.

Неорганическое тело образуют *искусственные органы человеческой воли*. К ним относятся техника *материальная* для обработки природы; техника *социальная* для обработки людей людьми; техника *интеллектуальная* для обработки идеальной реальности, тех значений, которые функционируют при посредстве сознания, это – методы и технологии духовной деятельности.

Социальная техника, в отличие от материальной, *невещественна*. Она образована исключительно из *отношений между людьми, из их координации и субординации* и представлена в сознании людей *соответствующей системой значений*. Это – все социальные организации и институты, будь то государство, вуз или армия. Социальная техника – «*чувственно-сверхчувственная*»; чувственная лишь со стороны *внешней*, сверхчувственная по своей *сущности* – системы отношений, которые постигается *только умозрением*. «Вообще отноше-

ния, – заметил К. Маркс, – можно только *мыслить*, если их хотят фиксировать в отличие от тех субъектов, которые находятся между собой в тех или иных отношениях»¹. Например, государство есть *организация общей воли* граждан для совместной жизни. Эта общая воля регламентирована Конституцией и всей последующей системой права. Как таковое, государство есть система *отношений* между людьми, направляемая обязанностями и правами граждан, должностных лиц; оно сверхчувственно и постигается только умозрением. Здания, техника, должностная форма одежды суть лишь внешнее выражение нормативно организованных *волевых отношений* между гражданами. Общественные отношения могут пониматься только благодаря *мышлению*. «Общественные отношения между людьми возможны лишь в той мере, в какой люди мыслят и обладают этой способностью абстрагироваться от чувственных деталей и случайностей»².

А такое абстрагирование осуществляется потому, что люди – существа *общественные*, т.е. они обмениваются содержанием своей субъективности, и *процесс обмена в рамках общения и общественных отношений абстрагирует всеобщие инварианты значений от единичных компонентов психики каждого индивида*. Государство может функционировать, если граждане сознательно действуют согласно своим обязанностям и правам; оно «сильно сознательностью» народа, добровольной лояльностью, законопослушанием граждан. Поэтому его «нет у животных» (Аристотель).

Техника есть искусственный орган человеческой воли для реализации целей. Технология – это система «люди – техника», взятая в *операционально-процессуальном состоянии*, как *операциональное поле*, где взаимодействуют актуальные операции, протекающие *во времени*, и операции, *опредмеченные в пространстве*. Для человека техника есть не что-то другое, а «свое другое». В технологии (материальной, социальной, интеллектуальной) выражено *активное* отношение людей друг к другу и к природе.

Людей можно отличать от животных по разным внешним признакам. Сами же люди начинают выделять себя из мира животных реально и в своем сознании тогда, когда они начинают производить условия для своей жизни с помощью орудий, а *орудия – посредством орудий*; когда они создают не только материальные орудия для обра-

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.2. С.84.

² Маркс К. Экономическая рукопись 1861-1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.47. С.249.

ботки природы в нужном для себя направлении, но и социальные организации для возделывания своей собственной *общественной* природы наперекор *природным вожделениям*; в целом, когда они производят совместно свое *неорганическое тело*, которое опосредствует их отношения к себе самим и к природе и является *существенным основанием* общественного жизненного процесса. Из процесса совместного созидания этого существенного основания развиваются все сверхприродные – социальные – определения человека, будь то мышление, воображение, эстетическое созерцание духовные чувства, вся полнота человеческой субъективности. Вся «мерзость старого мира» заключается в *частной монополии* на это существенное основание, на *объективные органы* человеческой воли.

Жизнедеятельность животного определена по существу теми *естественными орудиями*, которые как части тела *сращены* с животным и не отделимы от него. *Естественные орудия* (клыки, когти и др.) определяют ареал обитания, способ питания, поведение, иерархию среди других биологических видов. Тем самым эти орудия определяют и *особенности психики* животного.

Сращенность орудий с телом явилась непреодолимым барьером в эволюции животных. «Дарвин, – отмечал К. Маркс, – пробудил интерес к истории естественной технологии, т.е. к развитию растительных и животных органов, играющих роль в жизни растений и животных роль орудий». Заслуживает внимания, продолжает он, – «история развития производительных органов общественного человека, этих материальных базисов каждой особенной общественной организации»¹. В отличие от «естественной технологии» в природе технология, производимая людьми, удваивается на реальную и идеальную, на практическую и мысленную.

Человек ставит между собой и природой орудия-посредники, которые *пространственно отделены* от человека. Этим он уже дистанцируется от природы, разрывает естественную чувственную пуповину, слитность с природой. Умножая орудия с помощью орудий, люди обретают колоссальную технологическую мощь по отношению к природе. Орудия становятся дополнительными *неорганическими рецепторами* в предметном анализе свойств природы, увеличивая многократно возможности естественных внешних органов чувств человека. С помощью материальной техники люди *превращают свойства и процессы природы в органы своей сознательной воли*, вовлекают в

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. СПб, 1872. Т.1. С.326.

материальный процесс все новые связи и зависимости, и *в принципе наращиванию технологической мощи человека (человеческого рода) нет предела, если нравственность сохраняет свое верховенство.*

Маркс писал: «Практическая универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое тело*, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека ... в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. ... Животное формирует материю только соответственно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку; в силу этого человек формирует материю также и по законам красоты. ... Благодаря этому производству природа оказывается *его* (человека) производением и его действительностью. Поэтому предмет труда есть *опредмечивание родовой жизни человека*: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает себя в созданном им мире»¹.

Еще более важное значение для понимания родовой природы человека имеют искусственные органы, которые люди ставят между собой, регулируя и направляя свою совместную деятельность. Именно эти социально-функциональные органы (социальная техника) служат *конкретным основанием для понимания человеческой психики, сознания, мышления.*

Вне понимания решающей роли искусственных органов общественного человека в антропогенезе легко отождествить эволюцию природы с историей людей. Критерием же качественного отличия истории от биологической эволюции как раз и является появление искусственного, неорганического тела человека.

Вторая основа универсальности – социальная наследственность. Биологическая наследственность закодирована в организме. Социальная наследственность транслируется от поколения к поколению посредством *культуры*, символических и знаковых систем. Культура создается всеми предшествующими поколениями и содержит для каждого отдельного человека бесконечно многообразные варианты саморазвития.

¹ *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 565-566.

Третья основа – отсутствие врожденных программ именно социального поведения сообщает человеку способность овладевать любыми программами и быть самопрограммируемым субъектом собственного саморазвития.

Четвертая основа – свобода воли, самодеятельность, творчество. Психика человека вырвалась из цепи рефлекторного кольца. Между причиной и следствием в действиях человека вклинились размышление, свобода выбора вариантов действия на основе значений, идеального. Свобода есть самопричинность через произвольные, намеренные действия и дана каждому как самоопределение, как выбор возможностей. Мыслить, любить, волишь, веровать человек может только свободно. Из свободы воли следуют нравственность и право. Право *вменяет* личности свободу, и человека освобождают от ответственности, если он был в невменяемом состоянии, т.е. если его психика была настолько захвачена аффектами, что погасила свободу воли.

Человек не продолжает наличный причинный ряд, а *порождает новые причинные ряды*, не вытекающие непосредственно из предшествующих ситуаций. В отличие от животных он не срачивается со своей жизнедеятельностью и с ее продуктами, а отстраняется от них, делает их предметом размышления и воли, изменяет их. Обновляя способы действия, он тем самым обновляет свои способности. Ибо *способности есть не что иное, как усвоенные способы действия.*

Деятельность по изменению предмета развивается в *самодеятельность*, т.е. в свободную самонаправленную деятельность, которая устремлена на преобразование самих схем деятельности. Центр тяжести смещается с изменения предмета на «самоизменение» субъекта. Поэтому «человек есть *самоустремленное (selbstisch) существо*»¹. Самоустремленность позволяет каждой сущностной силе – воображению и эстетическому созерцанию, мышлению и воле, вере и любящему сердцу – не терять себя в предмете и обновлять свое содержание в его *бесконечном эмоциональном и смысловом многообразии.*

Субъект самодеятельности относится к своим личностным предметным воплощениям как основа к обоснованному и выступает как существо *самообоснованное*, как самоустремленная социальность, «он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» (К. Маркс). Связка «свобода – самодеятельность – творчество» позволяет человеку быть

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С.160.

не застывшим кристаллом, не цельнокаменной натурой, скроенной природой раз и навсегда, а субъектом самоопределения, самообновления, самоосуществления; т.е. быть *неоконечным*.

Пятая основа – общественная природа человека, интенсивно раскрытая в актах общения, общественных отношениях. Именно общение принуждает психику к *обобщению*, к общим, социально важным значениям, без которых невозможно общение. Сознание (совместное знание) и есть система всеобщих, социально важных значений. Общие, общественные отношения, резко раздвигают горизонт сознания, и человек, будучи *родовым* существом (осознающим себя наследником культуры человеческого рода), осознает и *род* вещей, их *закон и сущность*, а не просто случайные внешние особенности, данные в живом восприятии.

В общении осуществляется обмен различными содержаниями человеческой живой субъективности, происходит *взаимное дополнение, обогащение и обновление* субъектов общения, *осознание родовой природы* человека, развернутой в *бесконечном вариативном многообразии*; понимание того, что *ни одна личность не может исчерпать полноты* всей человеческой субъективности. Такое понимание предохраняет личность от абсолютизации своей позиции по тому или иному вопросу и ориентирует на опыт другой личности как на возможность увидеть мир в иной грани, в новом измерении. «Точно так же чувства и наслаждения других людей, – подчеркивает К. Маркс, – стали моим *собственным* достоянием». Способности и опыт других людей превращаются в *дополнительные духовные органы личности*. У человека, подчеркивал Маркс, – «кроме ... непосредственных органов образуются *общественные органы в форме общества*». Маркс поясняет: «Так, например, деятельность в непосредственном общении с другими и т.д. стала органом проявления моей жизни и одним из способов усвоения человеческой жизни»¹. Общение креативно антропологично не только потому, что оно взаимно обогащает содержанием субъективности, но и потому, что может сообщать *перспективу* личности: чем больше масштаб того общего дела, в котором личность участвует, тем труднее, серьезнее, интереснее, значительнее становится сама жизнь, дарующая вдохновение, творчество, прозрение и умудрение. Это в рамках буржуазности своекорыстный расчет, личное обогащение, кривляние в пустяках может казаться «умением жить».

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С.121.

Шестая основа – разумная сущность человека. Тело немыслящее действует согласно своим материальным свойствам. Мыслящее тело строит свои действия согласно *формам и закономерностям внешним тел, причем, любых*¹. Оно учитывает логику того *целого*, в составе которого оно действует. Мыслящее существо идеально перестраивает схемы действия согласно новым обстоятельствам. Благодаря мышлению человек выступает не частной силой природы наряду с другими ее силами, а как субъект, способный управлять *всеми стихийными силами*. Разум – универсальная сила не только планетарного, но и космического масштаба. Мышление индивидуума есть общественная сила, оно есть *идеально выраженная аналитико-синтетическая мощь общественного труда*, проецируемая на реальность. Таково мышление в его *необходимости*.

Следует отметить более панорамный аспект мышления, его *космологическое* измерение как силу универсальной субстанции. Природе присуща *целосообразность* – согласованность *частей с целым* благодаря материальным взаимодействиям, следующим из *самых свойств* субстрата, из материала природы. Такая согласованность явлена в разной степени у различных фрагментов природы. В прозрачном виде целосообразность проступает на уровне живого – клетки, растения, живого организма. Об этом убедительно писал Гегель в своей «Философии природы». Организм ассимилирует неорганический материал и создает из него свое «самостное единство» (Гегель). И вот всеохватная целосообразность природы, освобожденная от материального элемента, предстает как идеальная устремленность на целое – как целенаправленность. *Целенаправленная идеальная сила, знающая саму себя, и есть мышление, Разум* в его космологическом измерении. Универсальная субстанция, по Спинозе, действует многообразными способами: она не только простирается в пространстве, движется во времени, обнаруживается как сила гравитационная, электромагнитная, целосообразная, но и являет себя в форме разума. Разумность существа состоит в действиях, следующих не из свойств природного субстрата такого существа, а из учета *закономерностей других внешних тел, причем любых*, как подчеркивал Э.В. Ильенков, из учета того обширного *целого*, в составе которого действует такое существо. И такое целое для разумного существа *не окончено*. Разумные существа способны перестраивать порядки природы в целосообразные целостности и выступать в качестве такого космического фактора, который имеет

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1974. С. 38-40.

возможность, в принципе, управлять всеми стихийными силами. Универсальность и перспективу человеческого разума Гегель представил как абсолютную Идею, как вселенского Демиурга, соединяющего своей логикой разрозненные дискретные единичности в целостности. Человек превращает механические, физические, химические, биологические, социальные силы и процессы в органы своей разумной воли, бесконечно увеличивая свою власть.

Универсальность человека поэтапно разворачивается в его истории через многие поколения и деяния миллиардов людей. Это – величественный процесс в масштабе мироздания. Природа величественна, писал великий космист Ф. Энгельс в одном из писем. «Я всегда с любовью обращался к ней, но история кажется мне даже более величественной, чем природа. Природе потребовалось миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность сознательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, ... добиваясь сообща заранее поставленной цели. ... Наблюдать этот процесс, это все приближающееся осуществления положения, небывалого еще в истории нашей планеты, представляется мне зрелищем достойным созерцания, и я в силу всего своего прошлого не мог бы оторвать от него своего взора»¹!

Вектор исторического саморазвития заключается в *самоосвобождении людей от природной стихии на тернистом пути восхождения к большей свободе большего числа людей, к духовному совершенству, к гармонии духа и природы, к осознанию духовного единства человеческого рода.*

Практическая универсальность выражается и продолжается субъективно – *во всеобщих по значению продуктивно-творческих силах человека, которые организуют все особенные, профессиональные умения.*

Это – мышление, способное понимать объективные закономерности любой реальности, вынося субъективное сопровождение за скобки; продуктивное воображение, моделирующее формы и образы в их бесконечном разнообразии и смысловом единстве; духовные чувства, окультуренные пониманием и *возникающие от переживания значений* в бесконечном многообразии; воля, способная переводить знания и ценности в реальные поступки и дела, осуществлять понятия

¹ Энгельс Ф. Письмо Джорджу Уильяму Ламплу. 11 апреля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.39. М., 1966. С. 55-56.

и ценности, давать им практическое воплощение; бескорыстное эстетическое созерцание, дарующее способность переживать меры и гармонии в их многообразии; вера, устремленная на надындивидуальные, надгрупповые абсолютные и совершенные ценности, которые выводят сознание из застенков быта и социального бытия в бесконечную сферу безусловных значений и божественных смыслов и служат основой духовного единства и сплоченности народа; совесть, оценивающая помыслы и деяния с позиций надындивидуальных, сверхнациональных, сверхконфессиональных и исходящая из равноценности достоинства каждого человека независимо от пола, социального положения, национальной принадлежности – с позиций должного нравственного совершенства, любящее сердце, которое «учит нас увидеть лучшее, избрать его и жить им» (И.А. Ильин) и дарует способность художественно переживать объективно лучшие содержания.

Острые экологические, социально-классовые и мировоззренческие проблемы ставят перед наукой XXI века задачу – вернуться из «рассеяния» в материально-предметной, политической, эгоистически классовой сферах в *креативную культурную антропологию*, чтобы разрабатывать концепции и технологии, направленные на культивирование универсальной сущности человека на пути к совершенству, к гармонии духа и природы, к братскому единению народов. Разумно продолжить не объектную, а *субъектную* классическую философию, идущую от Сократа, к Канту, Фихте, Гегелю и к Марксу и обогащенную богатым ценностным содержанием совершенства русской философской классики.

За схемой буржуазного вещного производства $D - T - D'$ скрывается воспроизводство продуктивно-творческих сил человека: *«продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил»*. Здесь отношение к самому себе, о котором напоминал Э.В. Ильенков, становится практической истиной¹.

В заключение отметим следующее. К. Маркс понимал свободную самодеятельность человека как атрибут, связывая с универсальностью перспективу общества. Буржуазная установка на производство прибыли (максимум прибыли, минимум нравственности), на сведение социальной эффективности лишь к *одному стоимостному по-*

¹ В развернутой форме отношение целого к самому себе и его значение изложено в публикации: Гончаров С.З. Отношение целого к самому себе как сущность диалектики // Ильенковские чтения – 2011 «Философия и культура»: материалы XIII Международной научной конференции (12-13 мая 2011 г., Астана, Казахстан). Астана, 2011. С.120-135.

казателю, мчит человечество в пропасть. Критика Марксом антисоциальности капитализма верна и поныне. Ибо производство капитала уродует целостность человека, его универсальность, используя человека *не по назначению*¹.

Для того чтобы универсальная сущность человека получила достойное осуществление, необходим переход от экономики спекулятивно-рыночной, ориентированной на прибыль, к экономике креативной, ориентированной на социальную положительную эффективность, на качество жизни, на воспроизводство целостных индивидов. Такая экономика соединяет творческое созидание вещей и людей, образно выражаясь, – и машиностроение, и человекостроение, и жизнестроение. Это – радостная экономика, в которой труд осуществляется не как «работа» ради внешних к труду мотивов, ради заработка, не как «мука» и «самоутрата», но как «игра физических и духовных сил», как свободное самоосуществление человека, его способностей; т.е. как прикладная креативная культурная антропология.

Субъектность – высший уровень субъективности человека. Субъективность означает многообразный состав сознания и подсознания; контролируемую сознанием активность людей.

Субъектность есть *высший уровень субъективности* в ее внутреннем и внешнем выражении. На этом уровне социальность представлена как рефлексированная в себя, т.е. обращенная на себя, самонаправленная, самоустремленная, как знающая саму себя, как «для-себя-бытие», как самопроектируемая и самоконтролируемая, как саму себя усиливающая.

Субъектность есть такая *форма социальная активности, которая характеризует личности и коллективы в аспектах:*

- *их способности к самоопределению и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству;*
- *их реальных полномочий в реализации общественно значимых потребностей, интересов и целей;*

¹ В Перми в кафе «Хромая лошадь» в конце 2009 года от вспыхнувшего пожара погибло свыше 150 человек. Александр Проханов, писатель и редактор газеты «Завтра» (а ему присуще на редкость метафорически-образное мышление), в радиопередаче на «Эхо Москвы» от 9 декабря 2009 года заметил: крик ведущего шоу-представление «Господа, мы горим!» символизирует состояние современной России. В воображении витают символические образы: Петр I на постаменте в Санкт-Петербурге, вздыбивший Россию, Георгий Жуков, принимающий парад Победы на белом коне в мае 1945 года и ... пермская «Хромая лошадь».

- *их реальной власти над природными, психическими и социальными силами.*

Если первый аспект фиксирует субъектность в ее *внутреннем, духовном измерении*, то два последующих аспекта – в сфере *социальных отношений и институтов*.

Такое понимание субъектности дает определенные ориентиры для теории образования, для психологии, права, социологии, политологии, управления: какие качества личности следует воспитывать, как распределены полномочия между людьми и т.д.

Генетически исходным в структуре субъектности является *самоопределение как всеобщая форма* реализации продуктивно-творческих сил – мышления, воображения, воли, веры и др. Оно становится реальным тогда, когда превращается в *самоопределение воли – способности человека определять себя к действию согласно ценностям и знаниям*.

Самоопределение – *генетически исходная основа* субъектности, творчества, умения личности развивать свои способности. *Способности есть усвоенные человеком способы деятельности*, которые фиксируются в теле человека нейрофизиологически, и возникает видимость (*фетишизм тела*), что способности возникают *естественно* из органического тела человека так же, как клевер из чернозема, а не из социального тела – совместной деятельности и общения.

Человек может не ограничиваться воспроизводством способов деятельности, а предпочтет их развивать. Тогда он становится творцом. Творчество – это нормальный, не деформированный внешними обстоятельствами (разделение труда и др.) процесс моделирования человеком схем своих внешних проявлений в актах самодеятельности. И талант – это норма в развитии личности, не изуродованной разделением труда в «обрывок» человека.

Затухание творчества, редкость талантов – это точный показатель расщепления целостной человеческой деятельности на частичные функции в условиях *объектного* строения реальной жизни и мировоззрения, когда субъектные функции монополизируются социальными институтами и атрофируются на уровне личности. В такой ситуации общество предстает ареной взаимодействия различных *анонимных* Инстанций и Факторов – хозяйственного «механизма», «рычагов» управления, цен и прибыли. Люди предстают органами реализации потребностей хозяйственного «механизма» и т.д. Человек низводится в таких условиях «до тени своей собственной тени» (Э.В. Ильенков). Хотя все подобные анонимные Инстанции и Факторы есть

органы и объективации деятельности людей. За противоречием между производительными силами и производственными отношениями всегда скрывается противоречие между людьми. В обществе все, что имеет прочную форму – продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т.д. – является лишь мимолетным моментом общественного производства, «а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды», взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами – их «собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»¹.

Самоопределение развивается при определенных условиях в конкретное основание субъектности – в способность к *нормотворчеству*, законодательству. Законодательность здесь понимается не юридически, а философски – как умение субъекта порождать новое правило, норму, принцип действия и утверждать это новое как положительную ценность в культуре. Для *репродуктивной* (исполнительской) деятельности достаточно умения подводить частный случай под общее правило, т.е. *действовать по образцу*; на такую деятельность ориентирована вся *подготовка бакалавров*.

Способность к нормотворчеству – это культурный феномен. Он возникает тогда, когда субъект признает себя (ибо другие признают его таковым) равноправным представителем коллектива, той или иной социальной общности, возвышается до общественного самосознания и сам дает себе мандат на творчество, полномочие на конституирование той или иной нормы, того или иного варианта действия, будь то область предпринимательства, науки, искусства и др.

Самоуполномочивание – это «душа» и самый важный момент *новаторства*. Оно обязательно возникает тогда, когда субъект проникается общим интересом, рассматривает свой интеллект как равноценную частичку общественного интеллекта, доверяет свой совести и своему разуму как непосредственно-общественным и тем самым осознает себя интуитивно равноправным началом («начальником») всего нового и интересного. Поэтому он берет в свои руки без какого-либо психологического дискомфорта функцию нормотворчества, не спрашивая разрешения свыше, у «начальства».

Способность к нормотворчеству уходит своими корнями в атмосферу *товарищества* в коллективе и связана, так или иначе, с чувст-

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т.46. Ч.2. С.222.

вом или осознанием товарищеского равноправия. Это чувство остается в тени, может быть безотчетным, но именно оно подспудно рождает личную сопричастность общему делу, ответственность, воодушевление и смелость в решении проблем. Когда субъект смотрит на проблему глазами коллектива, тогда его духовная сфера наполняется емким общественным содержанием, и он мыслит широко, чуток к перспективным тенденциям в общем деле. Атмосфера товарищества одухотворяет – рождает у каждого порыв внести свой вклад в общее дело, утвердить себя в сознании других как личность творческую, «со своей песней». Товарищеское равноправие в общем деле рождает свою *противоположность – потребность личности в индивидуализации мастерства, и на этой основе – потребность в общественном признании.*

Субъектность личности как интериоризация законодательных функций социальных институтов. Исторически субъектные качества оформлялись сначала на *надьиндивидуальном* уровне (община, род) в рамках общих, т.е. общественных законодательных и др. полномочных органов, функции которых со временем закреплялись за узким кругом лиц в процессе *разделения труда*. Нормотворческая и законодательная функции, отделившись от функции исполнительной, получают конкретное оформление на *институциональном* уровне (государство, церковь, партии) и развиваются настолько, что регламентация и громоздкие аппаратные процедуры становятся для них *оковами*. По мере *демократизации* общества и развития личностного начала нормотворчество становится достоянием все большей части народа, его самостоятельных организаций. Субъектность *деинституализируется* в той или иной области и превращается в *схему работы самосознания и воли растущего большинства*. Например, в нравственности институциональный контроль вытесняется индивидуально-личностной субъектностью в виде *самоопределения, самооценки, самоконтроля, самоповеления, самоответственности*. В результате нравственность предстает как *неинституциональная императивная саморегуляция поведения*, доступная каждому. Нравственность есть чистая форма социальности в виде *человеческой общности*, она призвана вести и направлять право, социальную политику государства. В нравственности *законодательные, исполнительные и судебные функции* соединены в одной инстанции – личности как субъекта.

Напротив, в условиях античности самостоятельный выбор решения, новой нормы ведения *общего дела* осуществлялся, как правило, обращением за *санкцией на такой выбор к оракулу* и подкреплялся

авторитетом Пифии, повествующей о воле богов. Даже такие великие индивидуальности античности, как Фемистокл, в минуты смертельной опасности для Греции убеждали других в правоте своего выбора, ссылаясь на волю богов. Для самостоятельных решений, замечает Гегель по этому поводу, у греков «еще не было этой мощи и силы воли»¹.

Подлинным содержанием демократии является передача субъектных функций гражданам как для развития их самостоятельности, так и для установления меры в соотношении различных видов субъектности – на уровне корпоративном и государственном, индивидуально-личностном и институциональном. Такое содержание присуще «демократии участия» (как это было в Афинах времен Перикла и в средневековых городах с их цехами ремесленников), а не современной формальной (представительной) демократии, *отделяющей субъектные функции от «электората».*

В России народ все более расплывается из общества *соотечественников, объединенных духовно и нравственно,* на собрание *социальных атомов (на «электорат»)* в целях манипуляции. Деньгодатели с помощью средств массовой информации и «имиджмейкеров» проталкивают своих кандидатов на различные должности методами рекламы так же, как это делается с товарами на рынке. Кандидаты в депутаты стали политическим товаром, а электорат – потребителем такого товара. Демократия выродилась в политический рынок со всеми его фальсификациями.

Субъектные качества, таким образом, формировались в ходе истории коллективно, в совместной деятельности и общении, утверждались сначала во внешнем общественном опыте и лишь затем превращались в личное достояние индивидов путем их усвоения именно в актах *общего дела.* Такие качества суть общественность, индивидуально закрепленная и овнутренняя личностью. Закрепление осуществляется всегда в процессе личного делания в процессе *общего дела.* Поэтому не следует путать субъектность с кривлянием в пустяках и курьезах.

Риски субъектности. Негативными крайностями является абсолютизация субъектности или на уровне личности (*персоноцентризм*), или корпораций (*корпоративизм*), или на уровне социальных институтов, будь то партия, церковь, государство (*социоцентризм*). В

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Соч. В 14 т. Т.8. М.-Л., 1935. С.239.

таких случаях происходит нарушение *социальной синергии, гармонии между мерами частей и мерой целого*.

В первом случае (персоноцентризм) ставка делается на права человека, на формальную демократию. Набирают силы индивидуализм, атомизация общества, многообразие ценностей без их единства, рассогласованность волеи и внешних дел. Распадается социальный ранг, вертикаль ценностей, субординация и координация социальных институтов. Формальная демократия таит в себе со времен Платона и Аристотеля анархию и тиранию.

Во втором случае (корпоративизм, регионализм и т.п.) юридический субъект (корпорация, регион и т.п.) стремится свою *особенную субъектность* поставить по рангу *выше всеобщей субъектности*, представленной государством. Возникает «многоцентрие», борьба «удельных княжеств», парализующая целостность общества.

При социоцентризме ставка делается на иерархическую организацию, на внешнее единство без индивидуальной внутренней свободы. Субъектные функции *монополизируются* тем или иным социальным институтом, а лица превращаются в исполнителей. Начинается всеохватная (тотальная, отсюда – *тоталитаризм*) регламентация мышления, поведения, потребления. Она ведет к прогрессирующему параличу инициативы и самодеятельности граждан. Их субъектные функции отмирают. Общество поляризуется на «субъекты» и «объекты», на «ведущих» и «ведомых», на «авангард» и на «массы». Но на пассивной массе далеко не уедешь. Авангард прибегает к традиционному приему: он взбадривает «массу» показным энтузиазмом – бравурными маршами, песнями, уверениями-заклинаниями о «самодеятельности масс», и об их свободной и радостной жизни. И чем дольше длится показательный энтузиазм, тем больше он разоблачает свою фальшь.

Так общество движется к неизбежному кризису. Во всем этом характерно следующее. Граждане *сами отчуждают от себя свои субъектные функции* (право на самоопределение и выбор, на самодеятельность и нормотворчество) и передает их внешнему Гаранту, Инстанции, превращая ее в самодовлеющего Субъекта, а самих себя – в определяемый объект. Так как право на самоопределение незаметно сосредоточивается в одной Инстанции, то возникает *гипноз ее Авторитета, ее Культ*. Она наделяется некоей сверхъестественной способностью быть всегда Мудрой и Справедливой. Дело теперь представляется так, что Инстанция права не потому, что она решила истинно, а потому, что она – Инстанция, а значит и права! Это есть раз-

новидность *социального фетишизма*, особенно присущая светскому сознанию.

Крайности персоноцентризма, корпоративизма, социоцентризма состоят в *рассудочном отделении* всеобщего, особенного и единичного (В – О – Е) и в утверждении или *всеобщего* (социоцентризм), или *особенного* (корпоративизм) или *единичного* (персоноцентризм радикальных либералов) как *самоцели*, как самодостаточного первоначала. Между тем В – О – Е есть органичные моменты единой целостности, и разумное мышление состоит в нахождении *меры* в соотношении этих моментов. К.Маркс заметил, разум всегда был в истории, хотя и не всегда в разумной форме. Объективное и субъективное бытие разума заключается в гармонии В – О – Е.

Диалектика состоит во всех случаях в *понимании тождественного в различном, единого в многообразном, всеобщего в особенном*. Если же встать лишь на точку зрения *особенного*, то одному особенному противостоит другое особенного, и сознание будет видеть *только различия* без внутреннего их *единства*. Каждый начнет настаивать только на *своем особенном*. В итоге различия заострятся до враждебных противоположностей, до острого противоречия, которое в итоге заставит посмотреть на предмет более глубоко и увидеть за особенным *всеобщее содержание*, существующее через особенное, а не рядом с ним. Точно так же особенное существует не вне всеобщего, а как форма его своеобразного бытия. Именно в рамках *всеобщего (для сторон общения) содержания можно осуществить творческий синтез тех противоположностей, которые ранее представлялись непримиримыми*.

Под всеобщим всякий раз скрывается нечто *субстанциальное*, как выразился бы Гегель, т.е. то *общее дело*, в рамках которого только и возникают проблемы и противоречия. Такое дело связывает усилия каждого в единство, в общее произведение. И *только в общем деле*, а не в пустяках и курьезах («комаров субъективности», по Гегелю), можно утвердить себя в сознании других достойным образом, т.е. внести *важный* вклад, а значит и обрести *уважение*. Ведь в составе жизни каждого из нас есть сугубо индивидуальное и сверхличное – общественно важное дело, большое и прекрасное. И вот личная жизнь ценна в той мере, в какой в ней воплощено сверхличное. По такому критерию чтят героев, мыслителей, подвижников.

Согласованность В – О – Е выражается эмпирически как *социальная синергия*, а в плане теоретическом предстает как общий закон: в жизни социального целого оптимальным является *согласованность*

меры целого с мерами частей. Такая согласованность обеспечивает *здоровое состояние* общества и человека, государства и гражданина, церкви и прихожанина, армии и воина, экономики и хозяйствующих субъектов.

Здоровье, по определению ЮНЕСКО, есть телесное, психическое и социальное благополучие как выражение *гармонии целого и частей*. Регресс, болезнь начинаются тогда, когда *часть претендует, как самодовлеющее начало, на роль целого*. В итоге гибнет целое, гибнет и часть со своими претензиями. Так раковая клетка убивает организм, так эгоизм подтачивает коллектив, а верховенство «прав человека» над правами народа (на его историю, территорию и культуру) распыляет общество на атомы-персоны, меркнут единые ценности, крошатся нравственность, правосознание и государство, и народ как целое обрекается на гибель. Болезнь, регресс – это *эгоизм части за счет меры целого*.

В крайностях персоноцентризма, корпоративизма, социоцентризма деформируется социальная синергия. *Соборность*, идущая от православного христианства, преодолевает эти односторонние крайности. Она согласует индивидуальную свободу и единство лиц, меру целого с мерами частей и обеспечивает такой согласованностью *здоровое состояние* психики человека, гражданского общества и государства, общества в целом. В современной России важно перевести соборность из субъективного состояния общественного самосознания в *деятельные формы внешнего осуществления*. Вне деятельного выражения соборность истлеет и останется только *декларацией*. Но и деятельный коллективизм вне духа соборности неизбежно превращается в бескрылый прагматизм и дробится в *групповой эгоизм*.

В России народ выстрадал закон социальной синергии. Народное сознание всегда оценивало как положительные ценности любовь, дружбу, товарищество, сотрудничество и содружество, взаимопомощь, солидарность, патриотизм, соборность, государственный подход к делу и др. И, наоборот, эгоизм, гордыня, тщеславие, индивидуализм, местничество, сепаратизм, раскол всегда осуждались как несчастье, как болезненное состояние человека, церкви, государства и самого народа. Смута в России XVII века оценивается до сих пор как великое несчастье и позор.

От чего же зависят различные формы разрешения противоречия? От самого древнего основания, на котором вырастал антропогенез и на котором держится современное общежитие людей – от *нравственности*; т.е. от *степени признания других людей и народов как*

*субъектов равноценного достоинства*¹. Дело не в дефиците нефти и иных углеводородов, а в *дефиците совести*. Такова правда.

Развитие и есть способ разрешения противоречий, порождающий разумную форму – диалектическое мышление субъектов, исходящих из социального целого, из общественного жизненного процесса, из креативного обновления социальности, а не только из того, что каждому из них лично надо.

Самодеятельность как основа развития субъектности. Творческие способности проявляются в умении разрешать реальные противоречия и тем самым обновлять схемы мышления и поведения, деятельности и общения. За таким умением скрываются определенные социальные обстоятельства, одним из которых является самодеятельность. Самодеятельность формирует творческие способности потому, что она есть, во-первых, свободная и самонаправленная деятельность, изменяющая *сами схемы деятельности*; во-вторых, развивает самоопределение лиц и коллективов, необходимое для творческого акта, в-третьих, порождает диалектическое мышление, свободное от односторонних крайностей, в-четвертых, переводит самоопределение в объективно выраженный процесс; в-пятых, содействует общению, просторному для самореализации человека как субъекта.

Деятельность направлена на изменение внешнего предмета и может быть несвободной, вынужденной *внешними мотивами*. В самодеятельности доминирует направленность субъекта на преобразование самих схем, *способов деятельности*, т.е. противоречие между деятельностью, опредмеченной в пространстве, и деятельностью, протекающей во времени.

Изменять же схемы собственной деятельности человек может при условии, если он выносит их во внешний план, ставит их перед собой, опредмечивает. Поскольку предметом самодеятельности являются способы человеческой же деятельности, то субъект *не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности*. За внешним отношением к «другому» (предмету) он усматривает внутреннее отношение к самому себе, *к человеческим продуктивно-творческим силам*, которые запечатлены в предмете как отпечатки

¹ О нравственности как человекообразующем факторе в процессе антропогенеза см.: *Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу: Трагедия человеческого сознания*. М., 1996. *Гончаров С.З., Захаров В. М., Литвинов А.В., Холзаков А.В.* Нравственность – основа человеческой общности и исток креативных практик // *Русская философия как духовно-ценностная основа воспитания личности: сб. науч. ст. VII Всерос. науч.-практ. конф.*, 18-19 ноябр. 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 236-265.

социальности. «Человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»¹. Поэтому «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо. Его глаз, его ухо и т.д. самоустремлены; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*»².

Будучи самонаправленной социальностью, субъект функционально различается в актах самодеятельности на субъект действия и на продукт действия; он противопоставляет себя (как *формируемый материал*) самому себе как *формирующей деятельности*; одновременно он объемлет эти противоположности – процесс и результат. Соединяя в себе эти противоположности в единство, он есть противоречие между деятельностью ставшей и становящейся, культурой личной и возникающей, между *Я* прошлым и *Я* настоящим. В акте противопоставления отношение к другому (опредмеченной деятельности) подчинено отношению целого (субъекта) к самому себе. Данное отношение выражает самоустремленность субъекта в противопоставлении, оно соединяет противоположные моменты в единстве и является стержнем противоречия и самодеятельности.

В самодеятельности субъект устремлен на *обновление* и развитие творческих сил путем *выхождения за границы уже достигнутого*, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань». Такое выходжение осуществляется путем разрешения противоречия между репродуктивным и продуктивным. Это созидательное противоречие есть «локомотив» творчества, оно импульсирует субъекта к обновлению схем действия, общения и мышления, формирует индивидуальность, неравную себе самой, способную к новым вариантам самореализации. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу самодеятельность альтернативна косности и отчуждению; она – адекватная форма самореализации личности в творческом процессе разрешения назревших противоречий. У диалектики и самодеятельности общий девиз – «выход за пределы исходного пункта» в созидании *общественноинтересной новизны*.

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С.121.

² Там же. С.160.

В самодеятельности происходит *практическое закрепление способности личности к самоопределению*. Эта способность – необходимая предпосылка творческого освоения мира человеком, как научно-теоретического, так и ценностного (мораль, искусство, религия).

Мышление есть творческое моделирование внутренних отношений, которые восприятию не даны. Мыслить – значит связывать явления их внутренней связью. Связь между явлениями восприятию не дана, она устанавливается «только самим субъектом» в «актах его самодеятельности»¹. Субъект сам порождает возможную модель внутренних связей, сам ее определяет, исходя из фактов.

В морали важно самоопределение и самоповеление, мораль основана на «автономии человеческого духа»²; иначе ответственность потеряла бы всякое основание.

Самоопределение – атрибут и политической воли. Политика начинается с сознательного самоопределения в идеологии больших социальных групп; ее особенность состоит в том, что такие группы стремятся возвести свою особенную волю во всеобщую – в закон для всех. Класс, не способный к идейному самоопределению и властному самоутверждению своей воли, есть еще объект, а не субъект исторического процесса.

Свободное самоопределение составляет глубинную сущность эстетического освоения реальности. Если предмет воспринимается как сформировавшийся свободно, согласно своей мере, то он представляется прекрасным.

Мысль К. Маркса о том, что человек производит по меркам любого вида, а значит, «и по законам красоты»³, цитируется весьма часто, при этом не раскрывается связь между *мерой и красотой*. Связующим здесь является *свобода, свободное самоопределение*. Ведь формироваться согласно своей мере – значит определяться не извне, а изнутри, т. е. *самоопределяться*. Но не все то прекрасно, что сформировано согласно своей мере.

Предмет воспринимается прекрасным только тогда, когда он пробуждает в нас состояние свободы, свободной игры наших духовных сил, провоцирует на такое субъективное состояние. Прекрасное есть чувственное изображение нашей свободы, ее сублимация и метафора. Чувство красоты, отмечал Э.В. Ильенков, сопровождает

¹ Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. М., 1964. Т.3. С.165.

² Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.. Т.1. М., 1955. С.13.

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С.94.

«свободу воображения», когда, воображение рождает идеальную форму предмета, согласно его чистой мере¹. Происходит *совпадение свободного самоопределения предмета и субъекта*.

Наслаждение прекрасным возвышает потому, что оно состоит в *переживании свободы нашей души*; при этом свобода выражена в *образном виде, как нечто внешнее*, будь то музыкальная композиция, стих или балет. В форме красоты «переживается совпадение формы вещи с формой развитого восприятия, своеобразное чувство удовлетворения от подобного совпадения»². Формой же «развитого восприятия» и является свободное самоопределение субъекта, который и в реальности схватывает подобный феномен. *Свободное самоопределение развивается в актах самодеятельности, освобождается от эмпирического содержания, превращается в устойчивую схему восприятия и становится индикатором красоты, прекрасного – эстетическим вкусом*.

Бескорыстное свободное самоопределение есть *общая основа нравственности и художества, добра и красоты*. Так как самоопределение наиболее доступно дано каждому в нравственности («автономии человеческого духа»), то, возможно, эстетическое наиболее интенсивно раскрыто в борении человеческого духа, в нравственности. Нравственная красоты – высшая форма красоты. Возвышенное тоже наиболее впечатляюще выражено величиим характеров и дел героев. Безмерность природы, будь то звездное небо или океан, поражают воображение лишь на короткое время, тогда как великие деяния героев волнуют сердца и умы на протяжении столетий. Не случайно, И. Кант сопрягал звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас.

И, наоборот, предмет воспринимается безобразным, если он воспринимается не как определенный согласно своей природе и мере, а как принявший чуждую себе форму, навязанную извне, вопреки своей мере. Такая деформация предмета извне передается субъекту восприятия и сковывает свободную игру наших духовных сил. Без развитой духовной свободы и свободного самоопределения невозможны ни нравственность, ни высокое искусство, ни творчество прекрасных форм, ни молитвенный полет души.

Диалектика соревнования в межсубъектных отношениях. Присущее самодеятельности выхождение за пределы уже достигнутого интенсивно выражается в отношениях между субъектами – в *соревновании*.

¹ Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С.250-251.

² Там же. С.225.

Глубинным мотивом, побуждающим личность к свободной самореализации, является потребность утвердить себя в сознании других *достойным* образом. Ведь без признания статуса личности в общественном сознании, *нет и статуса. Быть социально – значит быть признанным!* Здесь то и возникает сущностное *противоречие*: все спонтанно стремятся быть признанными *достойным* образом, но не все могут быть признанными *первыми!* Иначе будет *девальвированы* само первенство, сама признанность за *достойное*. Отсюда и возникает соревнование, в котором *сама социальность измеряет саму себя через состязательность индивидов*. Соревнование проходит *через толщу тысячелетий* и составляет *атрибут всякой социальности и во все времена*.

Абсолютной и имманентной формой, побуждающей людей *человеческим* образом к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, является соревнование по поводу *развития творческих потенций лиц и коллективов*. «Уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность»¹.

Соревнование – неистребимый момент общения потому, что люди – существа общественные. И *мерой* для оценки одного человека выступает другой. В соревновании люди практически, на деле *сравнивают себя по своим способностям и умениям*. Предметом и мерой оценки здесь выступают *человеческие* качества. Это – *имманентная, внутренняя для человека мера*, в отличие от *внешней*, например, стоимостной, когда отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами, и соревнование носит отчужденную (и часто враждебную) форму *конкуренции*.

Соревнование есть стремление к *первенству* в делах общественно значимых. Но первенство доступно лишь малому кругу людей. Поэтому соревнование выступает всегда как *борьба за общественное признание* своей *социальной значимости*. Соревнование, отмечает С. Л. Березин, – «противоречивая форма развертывания фундаментальной потребности человека в самоутверждении, сущность которой состоит в устремленности личности к достижению общественной значимости в процессе реализации своих творческих сил»².

Соревнование *противоречиво*. Оно лучшим образом обнажает ту *диалектику*, которую Гегель изобразил столь *величественно* в своих творениях. В нем (соревновании) каждый идеально полагает себя

¹ Маркс К. Капитал. Т.1 // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.337.

² Социалистическое соревнование в развитии личности. Алма-Ата. 1983. С.78.

равным с другим по возможностям. Иначе нет смысла вступать в него в виду заранее известной «победы» или поражения. Ведь пафос борьбы возникает лишь в состязании *с равным, себе достойным*. Но в то же время и в том же отношении каждый *практически* полагает себя *неравным* с другим, что выражается в стремлении *опередить себе равного*. Именно противоречие «в одном и том же отношении» есть источник саморазвития, в отличие от «противоречия» «в разных отношениях», на чем настаивал И.С. Нарский. Такое псевдопротиворечие напоминает, по остроумному замечанию В. Ильенкова, драку, в которой дерущиеся машут кулаками в «разные» стороны.

Опережая себе равного, субъект тем самым опережает самого себя, вступает в *состязание с собой*; он актуализирует в себе скрытые ресурсы и реализует скрытые возможности. Так противоречие между соревнующимися превращается в противоречие субъекта с самим с собой, импульсируя к саморазвитию.

Соревнование достаточно *гуманно* по форме, чтобы не травмировать *достоинство* личности, но оно достаточно *остро по накалу*, чтобы побудить каждого к *интенсивной самореализации* способностей и умений. Престижным в нем являются важнейшие качества – воображение, новаторство, профессиональное мастерство, поэзия бо- рения.

Соревнование пронизывает все виды общения – профессиональные и внепрофессиональные, экономические и политические. Выпускники вуза не ставят, конечно, цели вступать в какое-либо соревнование. Но к нему их побуждают потребители услуг. По такой же причине вузы в России стремятся быть «конкурентоспособными». Отношения между субъектами хозяйствования, политическими партиями пронизано соревнованием.

Наиболее прозрачно логика соревнования представлена в спорте. Поэзия состязательности была представлена на последних Олимпийских играх в Пекине в 2008 году. Почему ликовала страна от «Москвы до самых до окраин» («Россия, вперед!»), когда сборная страны на чемпионате Европы по футболу в 2008 году выиграла матчи со сборными Швеции и Голландии? Почему со слезами радости и восторга победители-олимпийцы получали золотые медали, тогда как пуск новой электростанции или необычно высокие показатели сбора зерна не вызывают такого буйства эмоций?

Вероятно, потому, что людей интересуют только сами люди, и высшее чувство, доступное человеку, есть переживание своего собственного признания за тернии победы. Уместно такое сравнение. То-

вар рождается в производстве лишь как продукт, лишь как *возможный* товар. Он обретает статус действительного товара, когда его покупают, т.е. *признают* за ним способность удовлетворять те или иные потребности. Так и с человеком. Мы делаем самих себя, развиваем свои умения. Но как *действительные* личности (лики общественности) мы выступаем тогда, когда наши умения *признаны* другими. Во всех сферах деятельности существуют различные критерии признания, будь то спорт, образование в школе или вузе, поэзия, наука, музыка, политика и т.п.

Социальная связь для нас является абсолютной, будь то экономика или религия. В спорте же суть соревнования (его «идея», по Платону) представлена в чистом виде: социальность *соотносит себя с самой* через состязательность субъектов. Такой накал борения есть образ «вечной диалектики». *Самоизмерение социальности* ныне стало настолько осознанной, что во всех областях жизнедеятельности (спорт, образование, философия, искусство, политика, экономика и др.) как-то само собой утвердились *рейтинги!*

Выразим понятие субъектности более понятно. Субъект потому является таковым, что он осознает себя как *полномочный представитель* человеческого рода, культуры; как представитель тех или иных реальных интересов, народных и государственных; как достойный представитель той или иной профессии в процессе общего дела; т.е. как индивидуализированный представитель общественности, социальности. Поэтому субъект особо не нуждается ни в какой-либо форме опеки, ни в авторитете, так как свой разум и свою волю он осознает *равноценными моментами всеобщего разума и всеобщей воли*; в силу чего он властвует над своей собственной субъективностью. Авторитетом для него является сама суть дела, очевидные истины его разума. Все это возможно тогда, когда индивиды вернулись к самим себе из плена отчуждения, присвоили коллективно-развитые продуктивно-творческие силы предшественников как свои собственные способности, и друг в друге они видят не взаимную угрозу, но творческие индивидуальности, открытые к взаимному обмену и обогащению способностями как *дарами*.

Вот что, вероятно, имел в виду К. Маркс, когда писал: «предположим, что мы производили бы как люди». Ради образования такой общности Маркс и посвятил все свои силы, и в такой общности ему представлялся силуэт грядущей постбуржуазной ступени истории, которую мы и называем культурой (дикость – варварство – цивилизация

– культура) в широком, формационном смысле слова – как антропогенное общество культурной самодеятельности.

Такая общность отвечает евангельским заветам. Ее по-своему пытались созидать первоначальные христиане. В отдаленном будущем образы Иисуса Христа и Карла Маркса сблизятся в благодарной памяти потомков.

Субъектные качества лиц и коллектива, помноженные на корпоративную солидарность и служение Отечеству – важнейший потенциал развития России.

Сущность духовности. Если субъектность, вне духовного уровня, осуществляется нередко не в добре, а во зле, то духовность вне субъектных качеств *истлевет* во внутреннем мире или же может впадать в *романтический мистицизм*. Необходим *синтез* духовности и субъектности в подготовке новых поколений специалистов вообще, выпускников профессионально-педагогических вузов в особенности.

В публикациях о духовности нет самого главного – *монизма*, истолкования духовности из *единого основания*¹. Авторы, как правило, приводят высказывания классиков философии и сопровождают их своими комментариями. Неудовлетворительность состоит в потере теории, концептуальности.

То, что духовности присущи *всеобщие* значения, а не замыкание горизонта сознания на значениях частных и единичных («здесь» и «теперь»), это Гегель убедительно раскрыл в своей работе «Феноменология духа».

Как же возникают всеобщие значения? Принцип деятельности, взятый сам по себе, на эти вопросы не отвечает. Г.С.Батищев, вдохновенно изложивший принцип деятельности в философии², в последние годы своего творчества подверг этот принцип критике, настаивая на «глубинном общении»³.

Трудность в синтезе деятельности и общения заключается в том, что формы общения (включая общественные отношения) постигаются только мышлением и требуют для их понимания высокого уровня абстракции, умения схватывать невидимое через внешние формы об-

¹ Например, см.: *Лившиц Р. Л.* Духовность и бездуховность личности. Екатеринбург, 1997.

² *Батищев Г. С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969.

³ *Батищев Г. С.* Введение в диалектику творчества. СПб., 1997.

наружения. При этом сам субъект должен быть сознательно причастным общественным отношениям.

Но и *деятельно-коммуникативный* подход в понимании человека тоже является *неполным* именно потому, что существует неразрывная связка «*деятельность – общение – мышление*».

Упрощенный материализм не понимает направляющей и регулятивной роли мышления (идеального) в функционировании социальных систем, и поэтому он всегда плетется в «хвосте» событий, предоставляя лидерство в философии и в общественных процессах своим оппонентам, умудренным опытом классиков как немецкой, так и русской философии. Уместно напомнить, что «общественные отношения между людьми возможны лишь в той мере, в какой люди мыслят и обладают этой способностью абстрагироваться от чувственных деталей и случайностей»¹ и что «*мое всеобщее сознание есть лишь теоретическая форма того, живой формой чего является реальная коллективность, общественная сущность*»².

Общие, т.е. общественные отношения, принуждают мышление к всеобщим схемам работы. Всеобщность значений сознания есть выражение общественности человека. Диапазон общения и общественных отношений определяет и степень универсальности мышления, всеобщности сознания.

Деятельно-коммуникативно-духовный подход содержателен тогда, когда понимается решающее значение *искусственных органов* общественной практики, которые составляют надставку к органическому телу человека в виде *неорганического тела* – материальной техники, социальных институтов и знаково-символических систем. Духовная стадия человеческой субъективности постигается яснее путем ее сравнения с душевной стадией.

Особенности душевной стадии психики. Они заключаются в том, что человек живет по преимуществу *внешним, чувственным* опытом, непосредственно переживает его и сливается с ним. Явления

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1861-1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.47. С.249.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.42. С.118.

этого опыта изменчивы и единичны («это», «здесь» и «теперь»). Поэтому сознание тоже *неустойчиво* и затрудняется фиксировать значения в их *всеобщей форме*, сосредоточиваться на них, свободно оперировать и направлять ими свой внешний и внутренний опыт. Оно находится в плену внешнего сенсорного поля и эмоциональных переживаний, индивидуальных предпочтений; оно не выходит за рамки конечного к вечному, за пределы относительного (что хорошо для данного лица или данной группы людей) к абсолютному (что хорошо само по себе, безусловно). Душе еще не присуще «для-себя-бытие», т.е. *ценностно-рационально-волевая самость* как тот автономный центр апперцепции (*Я*), из которого исходят законодательные функции разума и повеления разумной воли на основе всеобщих значений. Чувства и эмоции размывают автономию разума и воли, чем объясняется шаткость и несамостоятельность души.

Человек на душевной стадии избирает ценности, как правило, не потому, что они объективно хороши по своему качеству, а потому, что они хороши относительно него или его окружения. Субъективное чувство – здесь критерий (на вкус и цвет товарищей нет). Душе присущи ценности частные и относительные, ценностный релятивизм и субъективизм.

Относительные ценности молодые люди часто возводят в абсолютные и творят кумиры, которые быстро развенчиваются жизнью потому, что *качество таких ценностей не соответствует их статусу абсолютных*. В юных душах возникают разочарование и уныние, нигилизм и цинизм, разнуздывается инстинкт вне идеала. Так молодые люди вступают на путаную тропу, ведущую к душевному нездоровью, социальному риску, девиантному поведению и преступному деянию. Глубинной причиной душевных болезней несоматического характера является в юном возрасте размытость ценностного самосознания, эрозия апперцепции и ее центра (*Я*) Обучение технике жизни (методам и технологиям) не выводит само по себе из мира относительных ценностей.

Душевная стадия связана не только с молодостью, но и с тем, что индивид еще не выступает субъектом весьма обширных по диапозону *общественных отношений*. А не является он таким субъектом из-за своего *социального статуса*: индивид находится на попечении у

старших, он, во-первых, по преимуществу, *потребляет*, а не *производит*, во-вторых, он еще не включен как самостоятельная личность в большое *общее дело* и поэтому не владеет *объективной мерой* оценки себя и других лиц. Такой мерой как раз и является общее дело, взвешивающее социальный вклад, «социальный вес» каждого. Вот этот аспект социального статуса индивида Гегель в «Феноменологии духа» начисто игнорирует и описывает только движение сознания, не вскрывая причин его движения от «чувственной достоверности» к «основанию» явлений, т.е., к их сущности.

Почему же конкретно осуществляется переход от чувственного сознания к самосознанию? Потому, что чувственная достоверность разоблачает свою *несамостоятельность и несостоятельность*. Во-первых, в ней «все течет», все изменяется. Было утро, оно сменилось днем, а день – вечером и ночью. Ребенок радуется подаренной ему вишне, но тут же съедает ее и уничтожает. Сегодня у него – дружба с кем-то, а завтра – ссора. Ему многое непонятно в поступках взрослых.

Во-вторых, оказывается, не все то хорошо, что хорошо лично для него. Внешняя сторона явлений бывает обманчивой.

В-третьих, во всяком *общем* деле, будь то семейные дела, игра или занятия, надо исходить из общих же значений, а не из единичного и отдельного, иначе само общение прекратится.

Сознание теперь разочаровывается в самостоятельности и подлинности внешнего состава событий. Оно интуитивно чувствует: то, что ранее казалось самодостаточным, оказывается лишь *явлением* чего-то иного, *скрытого*, на самом деле «прочного», устойчивого, чего-то *основательного*. Но беда в том, что скрытая основа внешних явлений чувственному сознанию никак не раскрывается. Для ее понимания нужна иная «оптика».

И сознание отворачивается от внешних «кумиров», обращается внутрь себя. В *самом себе оно надеется найти ту основу*, из которой и надо исходить в деятельности и общении. Теперь оно ищет истину в себе, а не вовне. Это, как правило, стадия возрастного «переходного периода» (12-18 лет). Однако в этот период индивид мало знает и может. Он самоопределяется в *отвлеченных* значениях, чем объяснима *романтика* юности. Самоопределение сопровождается желанием утвердить себя во *мнении* других, а не в *делах* общеинтересных и полез-

ных. Важно *самоутверждение*, а не то дело, в котором осуществляется самоутверждение. Поэтому, столь часто молодые люди утверждают себя в пустяках и курьезах.

В итоге личность начинает понимать, что есть нечто важное, *сверхличное*, что служит единым мерилom не только данной личности, но и других лиц, и самих внешних событий. Проблески такого осознания побуждают личность не носиться со своей индивидуальной неповторимостью, но укорениться своими помыслами и чувствами в интуитивно постигаемое сверхличное Дело, в некий «Логос» (Не мне, но Логосу внимай, отмечал Гераклит).

Наступает стадия перехода личности от *индивидуального самосознания к духовному уровню*. Разум человека на этом уровне уже не застревает в материале только внешнего или только внутреннего видов опыта, но обретает самостоятельность и в самом себе находит критерии достойного и недостойного. Оказывается, разум в самой истории был всегда, хотя и не всегда в разумной форме. Внешний и внутренний опыт в равной мере пронизан разумными возможностями. Теперь во внешнем опыте и во внутреннем разум находит самого себя, утверждает самого себя, и во всем ином не теряет самого себя, но *все иное прорабатывает и делает своим достоянием*.

Особенности духовной стадии психики. Душа преобразуется в дух тогда, когда человек начинает жить по существу не только внешним, чувственным опытом, но и внутренним, сверхчувственным, смысловым; погружаясь в сферу чистых значений (идеальных предметов), он освобождается от диктата внешних чувств и эмоций, обретает самосознание, которое устремлено на само себя и становится рефлексивной и самодеятельной; вначале робко, а затем смелее человек начинает оперировать значениями в их безобразном виде; усиливаются апперцепция, автономия разума и воли. Опирируя чистыми значениями, душа выходит за рамки «здесь» и «теперь», за пределы пространственно-временного потока событий, ибо значения сами по себе не являются пространственными или временными; длятся не значения (например, идея окружности или долга), а *психические процессы, посредством которых мыслятся и переживаются значения*. Выходя за пределы «здесь» и «теперь», личность научается самостоятельно оперировать всеобщими значениями и обретает *надындивиду-*

альные ценности – нравственные и эстетические, религиозные и правовые. Переживая такие значения и ценности, человек модифицирует свою чувственность: возникают новая психическая модальность – мыслящие *духовные чувства*. Сосредоточием таких чувств является «сердце», как духовный орган.

На духовной стадии человек избирает те или иные ценности потому, что они хороши не только относительно него, но и сами по себе: являются *истинными, добрыми и прекрасными и поэтому – совершенными, достойными всеобщего признания*. Дух есть любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию; *воля к тому, чтобы избрать совершенное, преобразить себя согласно ему, объединяться с другими людьми на основе совершенного и жить им*. Совершенное есть такое содержание, которое гармонично соединяет в себе истинное, доброе и прекрасное. «Быть духом – значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности»¹. В работах классиков русской философии (В.С. Соловьева, И.А. Ильина, Н.О. Лосского и др.) совершенное понимается как атрибут Бога, явленный в Его творениях как меры в превосходной степени.

Как однородный солнечный луч преломляется в многообразии цветов, так и чувство совершенства выражается в спектре положительных качеств – любви и добра, совести и достоинства, верности и служения, мастерства и художества, справедливости и солидарности, окрыленной веры как иммунной системы души от деструктивной социальности.

Совершенное есть качественное содержание духа, а дух есть та форма, в которой совершенное существует адекватно, как знающее себя, как «для-себя-бытие». Меры вещей существуют в сфере духа идеально, без материи, они свободны от телесных деформаций и представлены в превосходном роде. *Дух есть сознающее себя совершенство, он в самом себе содержит критерии достойного, которые для него самоочевидны*.

Совершенное познается себе подобным, совершенным же чувством – любовью. Любовь есть непосредственное переживание совершенного; она направляет мышление к объективной истине, волю к

¹ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. М., 1993. Т.1. С.56.

доброту, созерцание к красоте, а веру к абсолютному, священному и божественному.

Итак, в *психологическом* плане дух есть целостный акт – единство главных продуктивно-творческих сил: *любящего сердца; мышления, постигающего объективную истину; воли, творящей добро; воображения и созерцания, ориентированных на красоту; веры, устремленной к совершенным и абсолютным ценностям; совести, оценивающей помыслы и деяния с позиций должного совершенства*. Единение этих сил рождает качественно новое состояние – дух, эффект «поющего сердца». Цельный дух начинает прозревать за «корой явлений» тот свет совершенства, который по – своему выражают небесная лазурь и лепестки цветка, грациозное движение животного и трели птицы, духовное парение художника в музыке и поэзии, гармония математических соотношений и логика научных понятий, благородный поступок и справедливое право.

В *качественном, аксиологическом* плане дух есть любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию. Но дух имеет и количественную характеристику, которая выражается в масштабности, надличностном и всеобщем содержании его значений: дух восходит от субъективной стадии (стремление к совершенному) к объективной, в рамках которой человек реально живет всеобщим содержанием науки и нравственности, искусства и религии, права и государства.

Сознание прорывает узкий горизонт единичных и частных содержаний и углубляется в их основу: за «моим» и «твоим» оно видит «наше», за многими «я» – «мы», за национально-культурным многообразием – единство человеческого духа, за относительным – абсолютное. Душа предстает как индивидуализированный дух народа, как его лик, и человек становится личностью. *Автономия личности в самоопределении и волевом самоуправлении на основе совершенных содержаний есть фундамент совести и правосознания, продуктивного творчества и душевного здоровья*.

Архитектонику духа можно представить в обобщенной схеме, в которой соединены как православное понимание, так и научное (рис. 2):

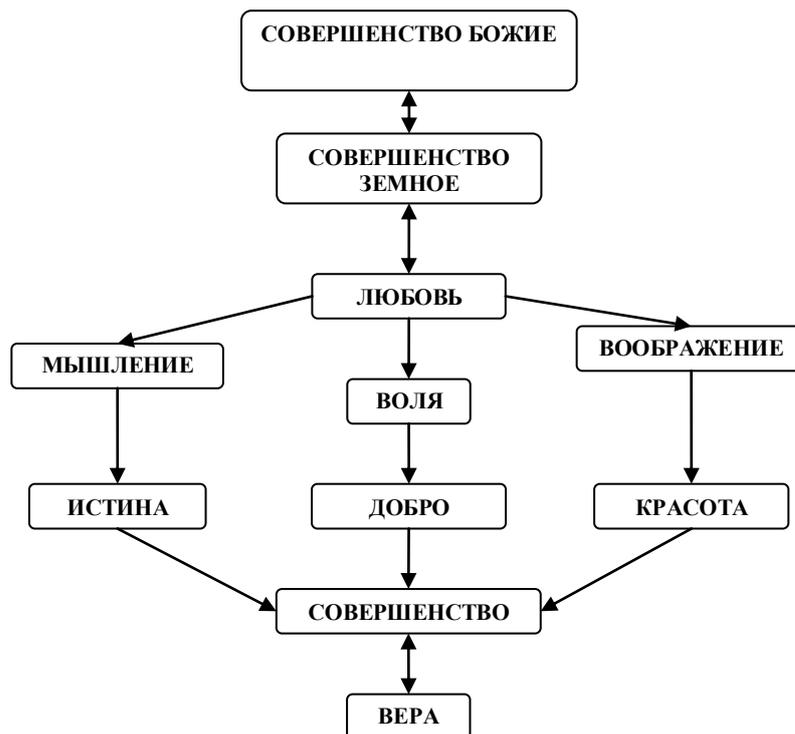

Рис. 2. Архитектоника духа

Любовь постигает совершенство эмоционально-целостно, вера же – духовно-целостно. Односторонность сциентизма (абсолютизации науки) состоит в отвлечении от аксиологического синтеза «сердца», что характерно для современной технической цивилизации.

Совершенство – источник духа, религии, культуры и воспитания. Совершенное содержание жаждут по-своему ученые и художники, философы и праведники, миллиарды духовно зрячих людей. Обрести совершенное – этому посвящены самые важные евангельские Заветы: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» и «любите друг друга». Совершенное вдохновляло Платона и Плотина, Пушкина и Тютчева, И.А. Ильина и Н.О. Лосского. Свет совершенства струится из творений классиков культуры и благородных поступков; он благодатно питал русскую классическую музыку и живопись, литературу и поэзию, философию и православие.

Религия культивирует дух совершенства, исходя из его абсолютного Первоисточка. В культуре дух совершенства воплощается в зримые образцы – эталоны человеческой субъективности. Культура начинается там, где «духовное содержание ищет себе верную и

совершенную форму»¹. Воспитание развивает умения организовывать опыт объективно лучшим содержанием. И.А. Ильин в своем фундаментальном исследовании, над которым он работал сорок лет, убедительно обосновывает основополагающее значение *совершенства* для различных религий. Тот, кто ищет религиозного опыта, «вступает в ту сферу, где обитает и обретается само Совершенство. ... *Религиозный опыт есть опыт Совершенства, приобретаемый на путях сердечного созерцания*»². Любовь к совершенству, подчеркивал он, не есть аффектированная фраза или сентиментальная выдумка, «но живая реальность и притом величайшая движущая сила человеческого духа и человеческой истории. Поколение людей, которому это чувство чуждо и непонятно – есть поколение мертвое, слепое и обреченное. Все основатели великих духовных религий – Конфуций, Лао-Цзы, Будда, Зороастр, Моисей были движимы этим чувством»³.

Христианство выговорило эту тайну религиозного опыта и укоренило души людей не в силу и мощь (Ветхий Завет), не во внешнюю красоту (религия древних греков), не в магический государственный обряд (Древний Рим) и не в успех земных дел (протестантизм), а в объективно сущее Совершенство, которое обретается любовью. Религиозный опыт при всем его многообразии заключается в воле к совершенному, в *благоговении* перед ним и в *верности* ему. Любовь к совершенству Божию, отмечал И.А. Ильин, есть «лоно творческого вдохновения, опора истинной науки, чистой совести, характера, месторождение окрыленного гениального искусства, фундамент правосознания и патриотизма, гарантия дисциплины и храбрости»⁴.

Укореняя свою душу в идеал объективно лучший и объективно сущий, человек соединяет инстинкт с идеалом, гасит гордыню, обретает духовное самостояние, самоопределение и самоуправление на основе абсолютных ценностей, духовное достоинство, чувство качества и верного ранга, призвание и смысл жизни. Религия, с культурологической точки зрения, не «опиум народа», а иммунная

¹ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. М., 1993. Т.1. С.291.

² Там же. С.56.

³ Там же. С.97.

⁴ Там же. С.66.

система народного духа от деструктивной социальности. Воинствующее богоборчество гасит волю к совершенству, а значит – духовность, чувство качества и верного ранга ценностей и с неизбежностью резко понижает уровень ценностных притязаний людей; начинается подмена высшего низшим, т.е. *пошлость*: внутреннее вытесняется внешним, духовное – материальным, идеалотворчество в культуре – технической рациональностью, искусство – нервными зрелищами, а художник – «шоуменом». Разнуздывается инстинкт вне идеала, и культура вырождается в технику жизни, в техническую цивилизацию, которая за последние двести лет завела человечество в тупик. Последствия духовного иммунодефицита проявляются в том, что «население целенаправленно организуется на сатанинских началах лжи, подлога обмана, поклонения грубой силе. Внедряются как начала «нормальной» жизни жадность, эгоизм, амбиции, разврат, наркомания, любовь к удовольствиям и развлечениям любой ценой. ... Сегодня это не отдельные эпизоды злых, порочных, разрушительных действий, а ускоренное строительство общемировой системы зла»¹.

Богоборчество И.А. Ильин квалифицировал как «дело самое глупейшее из всех, затеявших человечеством». Цветение русской культуры, отмечал он, изошло из корней православия потому, что оно окормляет души светом совершенства Божия и даром любящего сердца; т.е. объективно лучшим содержанием и субъективно верным актом приятия этого содержания. Русская культура цвела тогда, когда народ искал «не силы, а совершенства, не власти, а любви, не пользы, а Бога». А когда «дух ищет совершенства», тогда «начинается культурное цветение религиозно захваченного народа»².

Совершенная реальность предстает в субъективной форме как дух и объективируется в мир культуры. Культура – только *положительная* ценность. Отождествлять культуру со всей надприродной реальностью (рукотворной второй природой, социальностью, социальными технологиями, с формами хранения и

¹ Слово святейшего Патриарха Алексия II на Рождественских чтениях в январе 1999 года // Православная газета. Официальное издание Екатеринбургской Епархии Русской Православной Церкви. 1999. № 3.

² Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. 1993. Т.1. С.59.

передачи социального опыта и т.п.), значит умножать термины без надобности и запутывать существо дела. Такое отождествление ничего не дает ни для теории культуры, ни для воспитания, а по существу оно ведет к толкованию культуры как *ценностно нейтральной реальности*, открытой антикультуре. Духовность как субстанция культуры верно выражена в толковании культуры как «идеалотворчества»¹.

Дух как идеальный ген социальности. В понимании человека следует избавиться от того недоверия к духу, которое привнес материализм в российское сознание. Дух в социальной системе есть идеальное, всеобщее и самое концентрированное выражение и продолжение человеческой социальности: он есть ее саморефлексия и самоопределение, ее самопроектирование и самоустремленность, ее самоусиление и «для-себя-бытие». Под идеальным здесь понимается то содержание, которое прекрасно развил Э.В. Ильенков².

В лоне духа рождается все благое содержание. Дух есть идеальный «ген» нации, в котором в свернутой форме закодирована социальность и программа поведения народа. Эту генную функцию духа раскрыл И.А. Солоневич относительно русского и немецкого народов, которые в XX веке ставили себе те же цели и пытались их достичь с тем же упорством, с каким они это делали 800 лет назад, несмотря на качественное изменение производительных сил и производственных отношений³.

Духовное единение людей предполагает наличие общих ценностей. Как в экономическом обмене необходимы единые выразители стоимости товаров (деньги), так и в общении и общественных отношениях необходимы единые выразители человеческой субъективности (ценности) с которыми люди себя *идентифицируют* как члены той или иной общности. Такие корневые ценности *согласуют души людей в самом главном*. Без согласия в душах не будет согласия во внешних делах. *На основе корневых ценностей происходит первичный социальный акт – взаимное признание, понимание и доверие; из этого акта следуют духовное единение и солидарность, верность и служение*. В.И. Ленин, встав у руля государства, вынужден был при-

¹ Пивоваров Д.В. Философия религии: Учеб. пособие. М., 2006. С.241.

² Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.

³ Солоневич И. Народная монархия. М., 1991. С.115-201.

знать: государство сильно «сознательностью масс», и правопорядок зиждется на добровольной лояльности граждан.

Добровольно принятые общие ценности есть основа *гражданского мира, социального согласия, устойчивости государства и хозяйства*. Корневые ценности направляют через социальные институты весь *нормативный социальный контроль и планирование общей жизни*, очерчивая границы *дозволенного*. Такие ценности, образно выражаясь, так же направляют чувства, волю и мышление, как звезды на небе направляют путь мореплавателя.

Без единых ценностей *меркнет правосознание, крошится государство, высыхают глубинные родники совместного творчества и национального единения*. Всерьез и надолго люди объединяются не внешними скрепами (экономикой, правопорядком, территорией), но духовными узами. «Самое глубокое единение людей возникает из их духовной однородности, из сходного душевно-духовного уклада, из сходной любви к единому и общему, из единой судьбы, связующей людей в жизни и смерти, из одинакового созерцания, из единого языка, из однородной веры и из совместной молитвы. Именно таково национальное единение людей»¹.

Отмеченные И.А. Ильиным существенные моменты, составляют *духовный генотип* нации. Этот генотип включает в свое содержание корневые (основные) ценности, особенности их субъективного приятия народом (как веруют и любят, как переживают и грешат и т.д.) и то существенное из исторического опыта, которое народ пережил, понял и запечатлел в психологии и самосознании. Духовный генотип центрирует национальное самосознание и в оформленном виде выступает как религиозно-культурный архетип.

Разложение духовного генотипа так же обезображивает жизнь народа, как деструкция генной информации уродует живую клетку и организм. Вот почему столь актуален вопрос о синтезе традиций и инноваций. Духовный генотип существует не вне нас, где-то в библиотеках и музеях; он – в наших душах, как в огнищах, пламенеющих ценностями. Он – общее пламя, согревающее нас нравственно и эстетически, национально и религиозно.

¹ Ильин И.А. Основы христианской культуры // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1993. Т.1. С.323.

Если социальные «инновации» внедряются без учета духовного генотипа, то они отторгаются как нечто инородное из-за сшибки противоположных программ поведения – идущих от генотипа и от «инноваций». Возникает *деструкция в той или иной* сфере общества. Когда же сам генотип, как целое, преобразуется не путем его органического развития, а насильной заменой чуждой ментальностью, тогда возникает *всеобщая деструкция в масштабе всего общества* – начинается религиозное, культурное, политическое и социальное противостояние, грозящее гражданской войной. Бьет час народной трагедии.

Реформы в России осуществляются успешно и без потрясений при условии восстановления традиционных корневых ценностей, которые не альтернативны новаторству и модернизации. Важнейшей задачей философии, культурологии и др. гуманитарно-социальных наук является как раз *развитие и утверждение в общественном сознании таких ценностей, которые гармонично соединяют традиции отечественной культуры и процессы модернизации России*. Такой синтез есть творческий процесс, требующий живого предметного мышления, способного *соединять противоположности на основе их общего основания*.

Дух – основа душевного здоровья. Здоровье, как было отмечено нами выше, есть телесное, психическое и социальное благополучие. Такое благополучие основывается на гармонии меры целого с мерами частей. Болезнь вызывается нарушением гармонии, доминированием части над целым. Болезнь – это «эгоизм» части за счет целого. Так злокачественная опухоль убивает организм, навязчивые психические состояния разрушают целостность души.

Душа как целое представлена сознанию в форме *Я. Я* (апперцепция) есть сверхчувственная сфера психики, самоустремленное чистое единство; в смене душевных состояний (радости, печали) оно сохраняет свою себетождественность; иначе человек не вышел бы из того или иного душевного состояния. Такие состояния длятся во времени. *Я* воспринимает время со стороны, оно пребывает вне времени как чистый смысловой центр души. Благодаря себетождественности, сверхчувственному и вневременному бытию, *Я* способно связывать в единство прошлое, настоящее и будущее, мыслить вечность, синтезировать качественно различные ощущения и переживания в единство,

понимать устойчивое в изменчивом (законы). Способы, каким Я синтезирует восприятия в понятия, есть логические категории. На их основе возникают суждения. Способность судить есть рассудок. Я через категории сообщает душе логическое единство.

Душевное нездоровье несоматического характера имеет психические и аксиологические основания. В психологическом плане таким основанием является нарушение чистого единства Я, эрозия апперцепции. В душе возникают многие центры-доминанты. Они выходят из-под контроля Я; возникает их самофокусировка в нечто самодостаточное. Размывание апперцепции ведет к временной потере рассудка – способности судить логически на основе категорий. Единство Я может нарушаться сильными эмоциональными потрясениями (аффектами). Но глубинным основанием душевного нездоровья является причина ценностного характера – утрата личностью самого дорогого, родного и священного. *Качество того, с чем личность себя идентифицирует и во что верит, определяет степень устойчивости Я и душевного здоровья.*

Непосредственной опорой Я выступают родные и дорогие люди, их фотографии, образы великих людей, малая и большая Родина, родная культура, историческая память, национальные символы (герб, флаг, гимн) и др.; т.е. то, что воспринимается личностью как дорогое и сокровенное. А где сокровище наше, там и наше «сердце». Когда утрачивается родное и сокровенное, с чем личность себя отождествляла, тогда возникает опасность эрозии ценностного самосознания и угроза душевного нездоровья. При таком нездоровье психика по-прежнему может нормально обслуживать соматические процессы: но исчезли главные ценности, смысл и цели жизни; поэтому потухла вера, иссякла воля, угасли интересы и внимание к чему-либо.

В вопросе *самоидентификации* проявляется вся важность различий между душевной и духовной стадиями психики. На душевной стадии личность идентифицирует себя с ценностями и предметами внешнего опыта. Но то, что вне души, то преходит, его «ест тля и ржа». Материальное богатство, бытовой комфорт и карьеру можно потерять, проходит молодость и т.д. Отсюда мудрое библейское наставление: не сотвори себе кумира из творений без Творца, не возводи относительное в абсолютное.

Следовательно, вопрос о душевном здоровье существенно связан с тем, с чем личность идентифицирует свою «самость» и перво-суть. Если она отождествляет свою самость не с внешним, а с внутренним, не с материальным, а с духовным, не с относительным, а с совершенным и абсолютным; если она, пройдя через горнило сомнений, укрепилась в актах духовного делания всем сердцем и помышлением в идеале объективно лучшем и объективно сущем, то она обрела все основания для душевного здоровья. Здесь мы подошли к аксиологии религиозной философии. Если душа человека есть образ и подобие совершенства Божия, то она причастна Его совершенству и обретает свою идентичность в духовном Абсолюте, совершенном по качеству. В этом заключается психотерапевтическая функция религии.

Душа есть посредник между телом и духом, она – «тонкое тело» духа и так же нуждается в окультуривании (улучшении), как внешнее тело человека и земельный участок в саду. Чтобы окультуривать душу, надо *выйти из поля ее тяготения, не растворяться в ее состояниях и укоренить ее в наддушевное, духовное содержание – в родное и сокровенное, в совершенное и абсолютное*. Такое содержание есть идеал должного совершенства, достойный духовной сущности человека и гармонизирующий подсознание и сознание.

Подсознание есть сфера инстинктивных влечений, «ночных сил» души. Сознание же – надприродное образование в виде социально важных общих значений. В душе возникают противоречия между психически природным и социальным. Социальные нормы обращены к сознанию и часто репрессивны к подсознанию. Гармонизация возможна благодаря посреднику, который находится одновременно в подсознании и сознании. Таким посредником выступают *воображение и любовь*. Устремленные на совершенный идеал, они возвышают (сублимируют) природно-психическое до социального, натуру до культуры, инстинкт до идеала, расширяя сферу целесообразного действия инстинкта.

Без идеала нет сублимации, а есть «профанация» – понижение ранга ценностей и разнуздание инстинкта. Идеал своим *совершенным* содержанием одухотворяет инстинкт и вовлекает могучие резервы подсознания в *культурное творчество*. Инстинкт же сообщает идеалу жизненную конкретность и действенность. Как сама природа соеди-

нила у человека гениталии и мыслящую голову через позвоночник, так каждый индивид обязан в актах самовоспитания соединить инстинкт с идеалом. В современных условиях банализации всей жизни, включая эротику, гармонизация психики молодых людей является весьма актуальной задачей.

Воля к совершенству захватывает все существо человека, рождает благоговение и живое чувство ответственности перед совершенным, благодатно питая все духовные проявления: «и совестную культуру, и художественное творчество, и глубочайшие корни его правосознания, и его национальное самосознание и его патриотическое чувство, и его государственное строительство»¹.

Созревшая до волевого акта, любовь к совершенному, сообщает духу энергию творчества, и дух предстает как *практическая сила*: «как вдохновенный труд и напряженная борьба», «как самостояние и самообладание», «как самостроительство и самоуправление», как «характер». «Человеческий дух по самому существу есть самостоятельный творческий центр: центр любви и созерцания, совестная воля, субъект права, созерцающий художник, верующее сердце, Божий слуга. В этом состоит сама природа духовности, в этом – призвание и достоинство человека»². И вот это автономный центр психики, в котором пульсирует дух совершенства, есть абсолютная основа душевного здоровья, которую не размоют ни внешние житейские бури, ни психические аффекты, ни современные сирены вседозволенности. Такой душе не грозит «многоцентрие», ибо она своей духовной вершиной незримо соединена с абсолютным центром всего сущего и всякой жизни.

Две основные задачи в воспитании духовности. Воспитание духовности есть по существу развитие *ценностного* сознания. Иерархию ценностей можно представить в виде треугольника, в основании которого находятся ценности *единичные и относительные*, а на вершине – ценности *всеобщие и абсолютные*. Чем ближе к вершине, тем меньше произвола в выборе ценностей и тем выше степень их совершенства и всеобщности.

¹ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. 1993. Т.1. 58-59.

² Там же. С. 59.

Воспитание ценностного сознания предполагает решение двух основных задач. Первая из них – дать личности «лестницу» для восхождения на «вершину», вознести сознание от ценностей единичных ко всеобщим, погрузить его в совершенное содержание и *вызвать эмоциональное переживание совершенства путем использования эмоционально-побудительной наглядности, будь то метафоры, сравнения, емкие художественные образы и символы, деяния великих людей*. Путь к «вершине» *индуктивный и описательный*; на нем понимание закрепляется духовными чувствами. Надо перекалить внешнепредметную чувственность до утонченных, предельно легких фракций и растворить их в однородном чувстве совершенства, вознести юную душу в «солнечные пространства» прекрасных значений.

Вторая задача – помочь личности спуститься с «вершины» к «основанию»; но так, чтобы сознание удерживало «вершину» при усвоении частных ценностей. Этот обратный путь *от всеобщего к особенному и единичному* является *теоретическим и дедуктивным*. В его рамках раскрываются ценностные основы культуры народа, бытия человека, семьи, коллектива, Родины, правосознания и государства, труда и собственности, профессии, индивидуальный опыт обретения ценностей. В решении этих двух задач сознание личности восходит от чувственно многообразного к мысленному единству и к единству многообразного; или иначе: от единичного (Е) к всеобщему (В) и к единству всеобщего и единичного в особенном (О), что можно выразить формулой $E - B - O$.

В сознании возникает «вертикаль» ценностей, позволяющая личности утверждать себя не в пустяках и курьезах, а в делах общественно-интересных и значительных. Определяющим, конечно, является то, что находится на «вершине» такой вертикали.

Итак, дух есть рефлексированное, осознающее себя совершенство. Совершенная реальность креативно антропологична. Творчество производно от совершенства. Вдохновение движет творчеством. Но *вдохновение есть благоговение и восторг от совершенного*. Творчество есть духовное парение человека в эфире объективно лучших, совершенных содержаний. Совершенное содержание есть основа духа и религии, культуры и воспитания; источник всех положительных качеств и ценностей человека; оно сообщает единство ценностному

сознанию, является основой аксиологического синтеза (наряду с логическим синтезом), предохраняет личность от отрицательной социальности (антикультуры), служит иммунитетом души, основой душевного здоровья и духовной безопасности.

Совершенное приемлемо как для образованного светского сознания, так и для сознания, религиозно ориентированного; оно достаточно определено, чтобы сообщить сознанию положительный ценностный вектор, и достаточно неопределенно, чтобы предохранить сознание от догматизма и формализма и дать личности простор для свободного творческого поиска в мире ценностей. Восстановление в философии методологической роли категории совершенства и проектирование на основе этой категории ценностного содержания образования, включая воспитание, является, на наш взгляд, перспективной стратегией.

Заключая статью, отметим: В июне 2010 года в Екатеринбурге состоялась прорывная международная конференция «Философия творчества, дискурс креативности и современные креативные практики». Материалы конференции представляют собой основательный научный поиск новых резервов и мотиваций¹. Название упомянутой конференции весьма показательно: за обновлением терминов и понятий (самоопределение, самодеятельность, самореализация, акмеология, креативность и т.д.) скрывается настойчивое стремление думающей общественности вернуться к *универсальности* человека, к потенциалу его *продуктивно-творческих сил*, чтобы *обновить* современную социальность, формы деятельности, общения и мышления, обновить сам *образ жизни* на иных ценностных ориентирах и установках.

Д.Н. Боровинская, Л.Н. Захарова

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КРЕАТИВНОСТИ

К началу XXI века сформировано множество представлений о развитии такого личностного качества как творчество. Оно рассматривается как аспект деятельности, выявляется сущность его структуры и социальная значимость в работах таких исследователей, как В.Ф. Асмус, Г.С. Батищев, В.С. Библер, Г.А. Давыдова, Э.В. Ильенков, М.С. Каган, Б.М. Кедров и др. Традиционно, общие особенности, которые выделяются при исследовании творческих способностей, – это

¹ Философия творчества, дискурс креативности и современные креативные практики: материалы научной конференции. Екатеринбург, 2010.